№ 107

БАКУНИНСКИЙ НОМЕР

ЦЕНА 10 СЕНТОВ

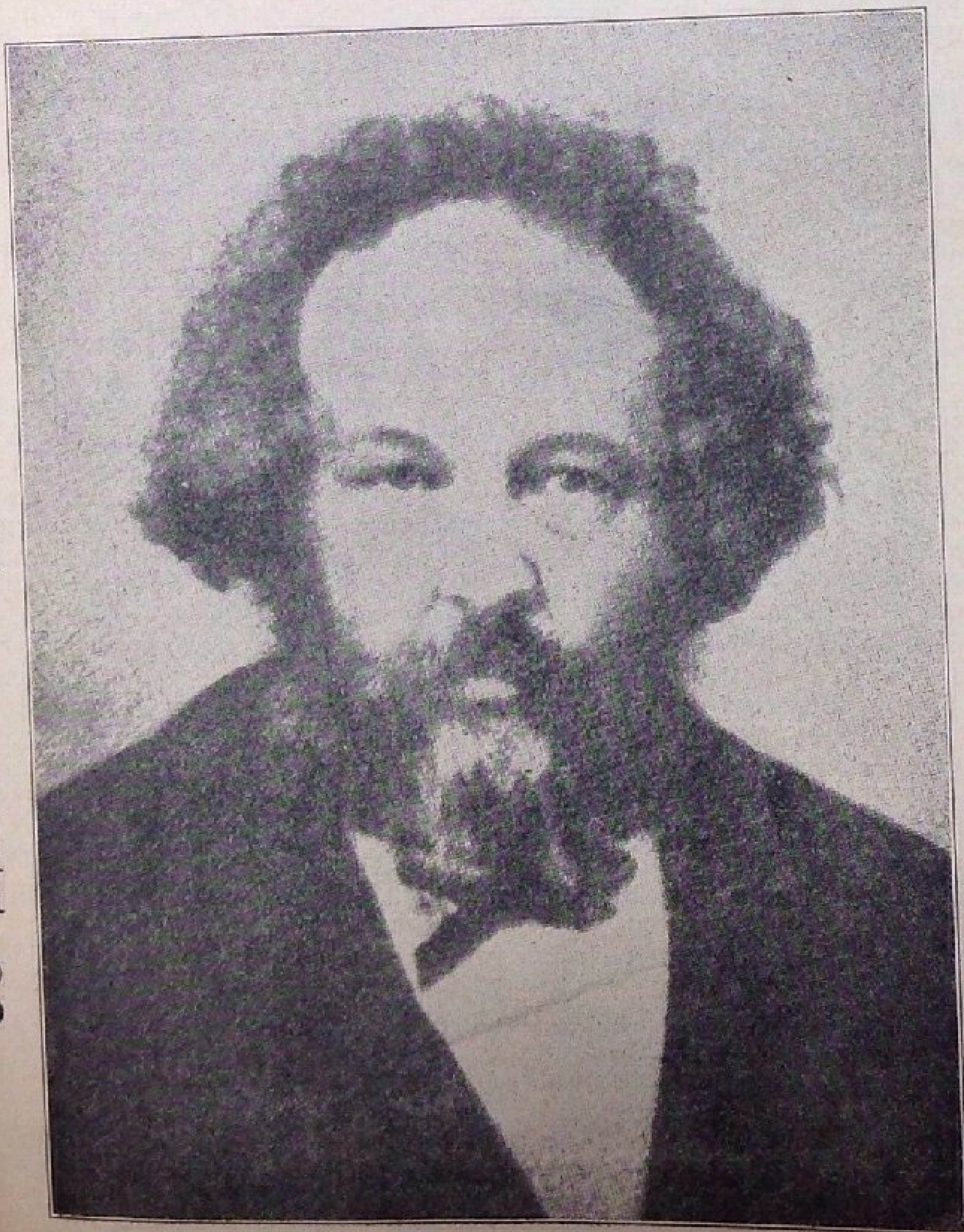
ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

— ОРГАН —
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР	„Dielo Trouda", 45 West, 17th Street, New York, N. Y.	15-й год издания

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПОРТРЕТ БАКУНИНА.
(1864 г. Флоренция)

М. А. БАКУНИНА
отца научного и революционного
анархизма

А. М. БАКУНИН

ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОГО АНАРХИЗМА

Когда говорят о Бакунине, то говорят о нем как о революционере, бунтовщике, агитаторе, апостоле всеобщего разрушения и никогда как о самостоятельном мыслителе, философе, творце самостоятельной философской системы. Его заслуги видят исключительно в области тактики, а не теории. Рассуждают так: до Бакунина анархизм был „утопическим", мирным, но вот пришел Бакунин, приложил к теории Прудона революционную тактику и сделал анархизм революционным, но от этого анархизм, однако, не перестал быть „утопичным". Так говорят о Бакунине его враги — марксисты, за ними „ученые" либеральные буржуа, а под влиянием первых и вторых и многие анархисты, которым нет времени серьезно ознакомиться с произведениями Бакунина и немножко поразмыслить над ними.

Наиболее рельефно эта точка зрения выражена одним из большевистских биографов Бакунина, Вячеславом Полонским. Он начинает свою книгу о Бакунине следующими словами:

„В ряду имен, которыми гордится современный анархизм, самым крупным и блестящим следует, по справедливости, назвать имя Михаила Александровича Бакунина.

„Но блеск этот явился следствием не теоретических заслуг Бакунина. Все, что выходило из-под его пера, было порывисто, изложено спутано и бессистемно. Все почти книги Бакунина — лишь отрывки, незаконченные начала задуманных сочинений, либо по случайным поводам написанные обращения, воззвания, прокламации, произнесенные речи. В них больше пафоса, чем аргументации; больше энтузиазма, чем логики; больше желания быть убедительным, чем самой убедительности. Они искрятся и переливаются мыслями, поражающие яркостью и глубиной, но еще более смелостью и широтой размаха. Поэзия в них господствует над философией. Поэтическая увлекательность его вдохновенной проповеди и была той притягательной силой, которая подчиняла себе неискушенных, но полных огня революционеров и никто не станет отрицать, что Бакунин был отважным руководителем целой полосы европейского революционного движения. Причина этого огромного влияния заключалась не столько в железной силе мысли, сколько в необузданной мощи революционного темперамента". И дальше: „Бакунин не был рожден теоретиком, хотя провел юность в ожесточенных теоретических спорах, хотя и мечтал о профессорской карьере.

„Как писатель — автор „Государственности и Анархия", не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон. В главнейших теоретических положениях своих он лишь развивал и популизировал мысли, пущенные в оборот французским мыслителем.

„Но зато в области практического действия, в истории анархического движения Бакунину принадлежит исключительное место".

Все это—надоевшая и набившая оскомину трафаретная марксистская болтовня, соткная из противоречий и не имеющая под собой серьезного основания. Выходит, что в произведениях Бакунина нет аргументации, нет логики и нет убедительности, но тем не менее „они искрятся и переливаются мыслями, поражающие яркостью и глубиной, но еще более смелостью и широтой размаха". Удивительно редкое, прямо-таки редчайшее сочетание! Но в этих ярких и глубоких, смелых и широких мыслях, случайно, без всякой внутренней связи выскакивавших из головы Бакунина, нет ни капли философии, а только одна поэзия; и мы должны поверить Вячеславу Полонскому на слово, что „целая полоса европейского революционного движения", которой руководил Бакунин, состояла только из поэтов и „неискушенных" революционеров, ибо в противном случае никакая „поэтическая увлекательность" и „вдохновенность проповеди" Бакунина не могла бы быть „притягательной силой". Это на простом человеческом языке называется не научной оценкой „целой полосы европейского революционного движения", а словоблудием.

Об'яснять огромное влияние Бакунина „не столько железной силой мысли, сколько необузданной мощью революционного темперамента" по меньшей мере наивно и глупо. Так об'яснять влияние Бакунина, это значит уподобляться завистникам Суворова, которые все его победы об'ясняли счастливым случаем.

„Помилуйте, сегодня, случай, завтра случай, отвечал им Суворов, дайте же немножко и ума!"

Революционный темперамент Бакунина несомненно являлся не малым фактором его успеха. ...Но с одним темпераментом далеко не уйдешь. Темпераментный дурак останется дураком и никакого влияния не завоюет. Чтобы иметь такое влияние, какое имел Бакунин, нужно обладать не только темпераментом, а и стальной логикой, неотразимой убедительностью, глу-

биной и ясностью, последняя всегда есть результат зрелости мысли. Темперамент без мысли — гремящая пустая бочка, а мысль без темперамента — человек без души, без характера. Бакунин имел и огромный темперамент и железную мысль. В этом и только в этом секрет его успеха, его влияния.

Смешно говорить, потому что это противоречит факту, что Бакунин не был теоретиком. Что он „не был рожден теоретиком", в этом нет сомнения, потому что никто не рождается ни теоретиком, ни плотником, ни музыкантом — все это приходит после рождения и обуславливается условиями и обстоятельствами. Он не только „провел юность в ожесточенных теоретических спорах", но и всюду свою жизнь, вплоть до гробовой доски. Кто же этого не знает? Начатый им спор с Марксом не закончился с их смертью и продолжается до сих пор, с той лишь разницей, что тогда как бакунисты продолжают спорить с марксистами, применяя оружие критики, последние критикуют первых оружием, тюрьмой и ссылкой. Какое бы произведение Бакунина мы ни взяли: большое или малое, законченное или незаконченное, по какому бы поводу это произведение не было написано, каждое из них является произведением теоретическим, философским в полном смысле этого слова. Возьмем ли мы „Письма к французу", его „Медведей", „Доклад об Альянсе" или незаконченную полемическую статью против Утина, не говоря уже о его полемических статьях против Мацини, его „Государственность и Анархия", „Кнуто-Германская Империя и Социальная революция", „Социализм, Федерализм и Антитеологизм" и пр., каждое произведение представляет собою блестящий теоретический трактат.

Еще более нелепо утверждение, что „как писатель — автор „Государственности и Анархия" не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон". Такое утверждение есть плод или невежества в анархизме или злостной недобросовестности, вызываемой слепой, фанатической ненавистью к Бакунину.

Из того факта, что Бакунин, как и Прудон, провозглашал анархию, федерализм и отрицание государства, делать вывод, что Бакунин, „как писатель, не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон", это значит из-за деревьев не видеть леса, это значит блуждать среди трех сосен.

Какой бы основной вопрос мы не взяли, мы находим у Прудона и Бакунина совершенно различные подходы и различные решения. В вопросах права вообще, наследств. права и права завещания в частности между Бакуниным и Прудом лежит огромная пропасть. Точка зрения на происхождение и развитие права у Прудона идеалистическая, у Бакунина естественно-историческая; Прудон выдвигает договорное право, Бакунин — обычное право. По отношению к собственности Прудон является индивидуалистом и мелким собственником, Бакунин — коллективистом, скорее коммунистом; Прудон требует оставления права наследования и завещания, Бакунин требует их уничтожения. Точка зрения на общество и его происхождение различна и различны учения о взаимоотношении личности и общества: в то время как Прудон придерживался общественного договора, что сближает его с Руссо, Бакунин отрицает общественный договор и рассматривает общество, как часть природы, которое подвержено действию естественных законов и согласно им развивается, и так без конца. Прудон был идеалистом и не мог, как и Маркс, порвать с кантианско-гегельянской метафизикой, тогда как Бакунин порвал со всякой метафизикой и, став, как он говорит, „научным материалистом", об'явил крестовый поход против всякой метафизики, против всякого идеализма. Метод исследования у Бакунина был метод естественных наук, индукция, научный метод, у Прудона — диалектический метод, метод метафизики и марксизма. Отсюда ясно, Бакунин поставил анархизм на научное основние и стал основоположником не только революционного анархизма, но, что самое главное и что упорно всеми замалчивается, основоположником научного анархизма, подлинного, истинного социализма, который потом был более солидно обоснован и аргументирован с научной точки зрения Кропоткиным. Таким образом, из всех социалистических теорий только один анархизм имеет все основания и полное право на название научный.

Бакунин, Кропоткин и все их последователи, анархисты, а также и все представители и поклонники истинной науки не только были, но и продолжают быть против притязаний марксизма на научность. Они против этих притязаний не потому, что вообще не допускают научности социализма, и как философии и как социологической теории построения нового общества. Они против марксистских притязаний на научность, которые везде и всегда так нагло выпираются, по тем же самым причинам, по которым отказывают в научности творениям гениальных умов древности, средневековья и даже творениям многих гениев нового и новейшего периода нашей истории, несмотря на то, что признают правильными многие их мысли и положения. Они отказывают им в научности потому, что эти произведения не были написаны на основе научного метода, метода естественных наук — опыта,

наблюдения, проверки или критики — метод индукции, наведения. Марксизм был и продолжает быть против этого научного метода и довольствуется методом метафизической спекуляции, диалектическим методом, допускающим произвол исследователя, которым никогда и ничего не было и не будет открыто. Для Энгельса, например, Ньютон — „индуктивный осел и вредитель", а „Гегель своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые", и что „диалектика — единственный пригодный на высшей ступени развития метод мышления". Конечно, никто из людей со здравым рассудком с этой галиматьей не считается, кроме марксистов.

Бакунин, в противоположность Марксу и Энгельсу, **первый**, подчеркиваю первый, придал анархизму научный метод, метод естественных наук; об'единил человеческое общество с природой, считал его природой, выводил его из природы и прилагал к его изучению теже самые методы, которые прилагаются при изучении природы естествоиспытателями; благодаря этому анархизм стал не только научным, но и философской системой, пытающейся охватить весь мир во всей его совокупности, не отрываясь от реальности, твердо стоя на научном фундаменте, на проверенных данных науки. Вследствии чего анархизм уже никак нельзя свести только к социологии. Это было бы грубейшим насилием над ним, грубым извращением, это значило бы частью замещать целое. Это было бы все равно, что под всей наукой разуметь только одну ее дисциплину, одну ее ветвь, например, биологию. Анархизм, благодаря Бакунину, не социология только, он включает, он содержит в себе социологию, как естественную составную часть, но он не социология. Анархизм, об'единяя весь мир, как единое неразрывное целое, включая сюда и человеческое общество, под одним понятием ПРИРОДА, и иследуя эту природу методами естественных наук, стал мировоззрением, философией, синтетической философией, революционной по своему существу, потому что она не страшится логических выводов, как бы они не были противны установившимся воззрениям, привычкам, обычаям и институтам. И основоположником этой философии является Бакунин. Именно благодаря ему анархизм стал философией, построенной на науке, на данных науки. И Кропоткин, который блестяще продолжил начатое Бакуниным дело, тысячу раз прав, когда говорит в „Современной Науке и Анархия":

„Анархия есть миросозерцание, основанное на **механическом** понимании явлений, (лучше было бы сказать **кинетическом**, так как этим выразилось бы **постоянное движение** частиц вещества, но это выражение менее известно), охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее метод исследования — метод естественных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Ее тенденции — основать синтетическую философию, т. е. философию, которая охватывала бы все явления природы, — включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы".

Наука, как целое, состоит из ряда дисциплин, ветвей, обобщение добытых ими результатов есть философия, подлинная, научная философия. Следовательно, философия есть не что иное, как венец науки. По тысячи различных причин обобщения данных науки и строемые на них гипотезы могут быть, и являются, различными, т. е. могут быть различные вариации научной философии и анархизм является одной из таких вариаций, которую мы не считаем абсолютно правильной, единственно верной, потому что, во-первых, научность еще не означает правильности; во-вторых, потому что и сама наука не представляет собою абсолютного совершенства и не претендует на это. Но мы имеем основание считать нашу анархическую философию, научный анархизм, из всех философских систем самым близким приближением к истине. Между наукой и философией, как мы видим, существует органическая связь, т. е. их нельзя противопоставлять одну другой, как нельзя противопоставлять часть целому, голову туловищу — они одно целое. Отсюда понятно, что, если наука имеет дефекты, а она их имеет и не мало, то и философия, вследствии этого, неизбежно будет иметь их. Но так как наука, истинная наука, благодаря своему методу и сомнению, никогда не может окостенеть, успокоиться на добытых данных, то и научная философия будет видоизменяться в соответствии с дерзаниями науки и толкать ее на дальнейшие дерзания путем смелых обобщений и гипотез. Поэтому и наша анархическая философия, став, благодаря Бакунину, научной, останется вечно живой, видоизменяющейся в подробностях в соответствии с прогрессом науки, она никогда не омертвеет, не окаменеет, никогда не станет мертвой догмой, как марксизм и различные религии, ибо она, как и наука, всегда будет допускать сомнение.

В соответствии с наукой и основанная на ней наша философия не говорит и не намеревается говорить о конечном пункте достижения. Как наука, так и основанная на ней философия, исходя из анализа тенденций развития вчерашнего и сего-

днашнего дня нашей истории, говорят лишь о приближениях, о возможностях „завтрашнего дня" человечества. При этом могут быть совершены ошибки; они были, есть и будут, потому что человеческий ум несовершенен, ограничен, обусловлен и не в состоянии охватить все решительно подробности. Ошибки науки не уничтожают науку, не опровергают ее и даже не подрывают ее авторитета в глазах разумных людей. Тоже можно сказать и о нашей философии, родоначальником которой является Бакунин. Кроме того, нельзя забывать, что научность не сводится к выдаче правильных рецептов.

Бакунин, введя научный метод в анархизм, тем самым поставил его на твердый фундамент науки. В этом его бессмертная заслуга, несмотря на то, что он не оставил после себя увесистых многотомных „научных работ". Учение Бакунина есть вывод из результатов науки его времени, поэтому только злостные враги Бакунина и анархизма могут говорить о преобладании в произведениях Бакунина поэзии над философией, романтики над трезвыми выводами. Его философия б. м. несовершенна, может быть в ней много устарелого и требует пересмотра и подновления в соответствии с современным состоянием науки, может быть многие выводы не верны. Все это возможно, все это может быть, все это вполне допустимо, но это ни на единую крупицу не уничтожает научного характера его философии, анархизма. Это только говорит лишь о том, что многое должно быть пересмотрено в соответствии с состоянием науки, в соответствии с ее данными, которыми, естественно, наука времен Бакунина не обладала, вследствии чего Бакунин во многих случаях вынужден был прибегать к интуиции. Все это означает только то, что пробелы в его философии, вызванные или состоянием науки в его время, или недостаточностью его собственных знаний в той или другой области, или тысячью других причин, должны быть заполнены, ошибки устранены, а интуитивное проверено научным методом, что и делал в свое время Кропоткин и что должны делать анархисты всегда. Несмотря на все это, философия Бакунина непоколебимо остается научной. Непререкаемым остается факт, что Бакунин не только революционизировал анархизм, анархические идеи, которые высказывались до него некоторыми философами древности, некоторыми религиозными сектами, Годвином, Штирнером и Прудоном, но он первый подвел под эти идеи твердый научный фундамент, отбросив те из них, которые не выдержали научной проверки. С Бакунина, ни с кого другого, начинается научный анархизм, как бы не были нестройны формы его изложения и как бы это изложение не было отрывочным и несистематичным.

БАКУНИН В 1869 Г.

Воззрение есть совокупность мыслей, приведенных в соответствующий порядок, стройный или нет, не имеет существенного значения, выражающих отношение человека к миру, его взгляд на мир, его понимание мира во всей его совокупности, со всеми подробностями. Это есть философская система. Эту философскую систему Бакунин выработал на основании данных современной ему науки при помощи научного метода, метода естественных наук, а не путем простого размышления, чистого умозрения, основываясь на научных данных, а не на своих желаниях. Следовательно, воззрения Бакунина — воззрения научные, т.е. его философия есть философия научная, его анархизм есть научный анархизм. Философская система Бакунина была, продолжает быть и будет революционным отрицанием всех теологических и матафизических философских систем, всех философских систем, построенных на философском идеализме. Его система — оригинальная система, она расходится с позитивизмом Конта, с экономическим материализмом Маркса, с синтетической философией Спенсера, с утилитаризмом Д. С. Милля, с философией Прудона и пр.

Быть великим философом совсем не значит, что нужно написать нечто в роде

„Критики Чистого Разума" Канта или „Капитала" — экономической метафизики Маркса. Бакунин не написал ничего в этом роде, но то, что он написал, несмотря на фрагментарность и отрывочность блещет стальной логикой, глубиной и широтой, которых не найдешь в „великих" произведениях многих признанных творцов философских систем.

В чем-в чем, а в логике Бакунину трудно отказать, нельзя отказать. В этом никто ему не отказывал в Москве, в период его увлечения Кантом, Фихте и Гегелем; в этом ему, автору „Реакции в Германии", никто не отказывал в Германии и в этом никто, кроме злопыхателей, не отказывал ему во всей Европе в период его анархической деятельности. И если Бакунин не изложил в одном тысячестраничном томе своей философской системы, то он достаточно сильно и определенно изложил ее в статьях, брошюрах, в законченных и незаконченных книгах, в письмах, докладах, речах и отрывках и изложил с большой изящностью, увлекательностью, и несмотря на отступления, даже стройно и с неуязвимой логичностью, сошлемся хотя бы на критику диктатуры пролетариата, на критику религии и государства.

Эта его система, цельная, выношенная, отчетливо скристализовавшаяся, была руководящим началом его деятельности и частями, в зависимости от потребности революционной борьбы и обстановки, излагалась Бакуниным в статьях, письмах, докладах и в незаконченных произведениях. Вследствии этого не было видно цельности. Но эти чсти системы, разбросанные по разным статьям и книгам, не трудно свести воедино и представить монолитность философии Бакунина и ее необычайную глубину и ясность.

Систематизация, в отсутствии которой упрекают Бакунина, не создает философскую систему и не углубляет ее содержания, она только с скропулезной аккуратностью размещает содержимое системы по соответствующим полочкам. И если Бакуин этого размещения не сделал, то это не так уж важно, ибо это размещение легко сделать за него: лишь было бы что размещать. Никто не будет отрицать, что у Бакунина есть таки что размещать.

Анархический социализм Бакунина, который он называл „научным материализмом", есть, несмотря на все внешние архитектурные недостатки его произведений, философская система, глубокая по своему содержанию, ясная, благодаря своей зрелости, революционная по своему характеру и научная по своему методу. Его философия — философия свободы и экономического равенства, она должна занять место не только наряду с „великими" философскими системами, но и выше их.

Одно только положение, выведенное Бакуниным из данных науки при помощи научного метода: „Без свободы нет равенства, без равенства нет нравственности", делает его на две головы выше всех „великих" философов.

Итак, учение Бакунина опирается на проверенные данные науки, добытые общепризнанным научным методом, методом индукции, т. е. опыта, наблюдения, критики и сомнения, и кладет этот метод в основу своего исследования. Таким образом, Бакунин первый поставил анархизм на научный фундамент. Придав анархизму научный характер, он тем самым показал, вопреки всем врагам свободы и равенства, что анархизм не мечта, не фантазия, не религия, не умозрительное построение досужего ума, не пророчество, в основе которого лежит божеское, марксистско-диалектическое или какое-нибудь другое откровение, а холодный, логический вывод, сделанный на основе данных науки, научным методом. Это величайшая заслуга Бакунина перед анархизмом, перед социализмом вообще, и ее никто от него не отнимет.

Г. Максимов.

МИХАИЛ БАКУНИН

Сто двадцать пять лет со дня рождения Михаила Бакунина! Целое столетие отделяет нашу эпоху и нашу революционную деятельность от эпохи и деятельности русского колосса, а между тем до сих пор как сам Бакунин, так и его эпоха мало поняты не только широким населением, но и пролетарскими революционерами.

Идеализм Бакунина и его исторической эпохи не только для господствующих классов и для буржуазии, но и для огромного большинства рабочих наших дней звучит странно и представляется нереальным отражением. В наше время все основывается на материальном рассчете. Все национальные и интернациональные проблемы обычно рассматриваются ныне под деловым углом. Простые смертные, точно также как и правительства, ничего кроме грубой силы не уважают. Самые священные обещания и договоры нарушаются самым варварским и бесчеловечным образом, если этого требуют материальные интересы современных клятвопреступников. Как же можно ожидать, чтобы в такую эпоху уважались или даже только хорошо понимались моральные чувства и идеалистическая щепетильность?

Такие революционные личности, как Бакунин, такие мыслители-новаторы, как Сен-Симон, Фурье, Прудон и даже противник последних — Карл Маркс, который воображал себя „научным", все они стали ныне **утопистами.**

Несмотря на все различия в социальных и политических взглядах этих людей прош. столет., перед каждым из них стоял, как руководящее начало их общественной деятельности, определенный идеал. Вот этого-то идеала как раз и не хватает для многих людей наших дней, даже для рабочей массы, для рабочих нашего времени.

Дискуссируя в нашей революционной среде историческую ценность такой личности как Бакунин, я часто возражал против утверждения, что его ценность чисто негативная, что он, в общем, кроме критики капиталистического строя ничего конструктивного не сделал, и, наконец, что современный человек не придает никакого значения простой, чистой критике, если она не дает ясного указания на то, что должно заместить общественные институты или нравы, которые она осуждает, и, одновременно с этим, не предлагает точных и ясных практических мер, при помощи которых можно совершить это замещение, не причиняя общественному организму непоправимого вреда.

Я всегда отвечал на это, что в эпоху разгара деятельности Бакунина, Джемса Гильома и многих других их товарищей по борьбе, было бы безумием требовать от них конструктивной работы в этот первоначальный период социальной борьбы, когда капиталистическое общество рассматривалось идеалистами этой эпохи как подлежащие чистке Авгиевы конюшни, в которых они уже могли видеть все основные пороки, все недостатки построения, без чего они, конечно, не могли бы иметь успеха в устранении этих пороков и этих недостатков и указать основы нового социального строя, немедленно могущего быть осуществленным. Бакунин и его товарищи по борьбе не могли, в интересах благополучия рабочих и оздоровления человечества, ограничиться только критикой пороков, присущих социальной жизни капиталистического общества, но они не были в состоянии изменить социальный капиталистический порядок путем детально разработанных конструктивных мер.

Мы уважаем их как социальных критиков и мы преклоняемся перед делом наших предшественников; в признательность за открытые нам широкие горизонты мы празднуем память деятельности такой личности, как революционер Бакунин, человек „с бесом в теле", точно также как мы уважаем и преклоняемся перед научными трудами таких мыслителей как Сен-Симон, Фурье и Прудон.

Мы, революционеры нового времени, будем отделять реальные практические меры от нереальных, либо от неимевших еще места в теориях наших великих предшественников 18-го и 19-го столетий. Это дает нам возможность перейти от негативной социальной критики к позитивным мерам, к проявлению социальной конструктивности.

Это не может стоять на пути нашего благоговейного уважения всех тех, кто является нашими предшественниками. Вот почему мы празднуем с любовью и благодарностью стодвадцатипятилетие со дня рождения Михаила Бакунина.

Христиан Корнелиссен.

Париж.
Март 1, 1939.

БАКУНИН

В годы, предшествовавшие Мировой Войне 1914 г., все революционные чаяния были дискредитированы. Те люди, которые продолжали оставаться верными им, рассматривались как „катастрофисты" и считались сумасшедшими, слабоумными и неспособными мыслить. Но вот пришла война и нужно было признать факт, что революционное действие имело значительную силу и что оно одно было в состоянии преобразовать общество.

Правда, в период общественного застоя идея революции не имеет движущей силы; но в этот период и по той же самой причине и реформисты не могут произвести никаких ценных изменений условий, в которых живут эксплоатируемые классы. Но зато в период общественной неустойчивости и замешательства революция является единственным действительным средством освобождения рабочих. Или диктатура, которая претендует восстановить порядок, авторитарный порядок, или революция, направляющаяся к равенству.

Диктатура принимается ослабевшим, уставшим, невежественным народом, который неспопсобен верить в возможность собственного освобождения. Он принимает рабство, ожидая от него благополучия, которое остается иллюзией.

Революция — это искра пылкой, воодушевленной, идеалистической массы. Бакунин был прав, поддерживая священное пламя даже в период полного затишья. С моральной точки зрения нельзя отрекаться и практиковать несопротивление злу, нельзя терять из вида идеал освобождения и удовлетворяться благотворительной милостыней, подаваемой порабощенному

народу, чтобы держать его в пассивном состоянии. Пропаганда должна предшествовать революции, и иногда в течении долгого периода, потому что народ пропитан чувством повиновения и верой в необходимость социального неравенства. Но революция может вспыхнуть при благоприятных, непредвиденных условиях, если умы подготовлены к новым идеям.

Экономическая кооперация, которая охватит все виды человеческой деятельности, все еще недостаточно понята или же понимается как меркантильный метод данного общества. Будем ли мы ожидать от реформистской эволюции общего понимания и согласия, которые невозможны, благодаря разлагающему влиянию среды? Конечно, подготовительная образовательная и ориентационная работа необходима. Но для того, чтобы освободиться от неравенства и хищнических привычек, нужны огонь и энтузиазм, которые увлекают мир на путь нового человечества.

Если весь народ принимает участие в работах организации, чего хотел Бакунин, в организации, в которую все входят добровольно, то опасность диктатуры устраняется, потому что диктатура черпает свою силу в государстве и в централизации, при которых управляемый не имеет доли в управлении.

Бакунин был человеком, который ополчился против поддерживателей и сторонников власти; против пессимистов-пуритан, проповедывавших долг; против наживающихся на „социальном порядке", которые требуют от других повиновения и самоотречения во славу государства и избранных.

Великодушие его характера ясно отразилось в его знаменитой тираде о солидарности:

„Никакой человеческий ндивид не может познать своей собственной человечности, ни, следовательно, осуществить ее в жизни, не признавая ее в других и не кооперируя за ее осуществления в других. Человек не может освободиться, если с ним не освобождаются все окружающие его люди. Моя свобода — свобода всего мира, потому что я в действительности не свободен, не свободен не только в идее, но и на деле, ибо моя свобода и мое право находят свое подтверждение, свою санкцию в свободе и в праве всех людей мне равных.

„Для меня очень важно, что собою представляют все другие люди, потому что, как бы я не воображал себя независимым или не казался независимым, благодаря высокому социальному положению — будь я папой, царем или императором или его премьем-министром — я всегда являюсь продуктом тех, которые являются последними среди них; если они невежественны, нищи, рабы, мое существование определяется их невежеством, их нищетой, их рабством. Я, скажем для примера, человек образованный или умный — я результат, создание их глупости; я, будучи храбрым, являюсь рабом их рабства; я, будучи богатым, я дрожу перед лицом их нищеты; я привилегирован — бледнею перед их правосудием. Наконец, я желаю быть свободным, я не могу, потому что все окружающие меня люди не желают еще быть свободными и помимо своей воли они становятся орудием моего угнетения".

Бакунина можно было бы упрекнуть в идеализации баррикад. Но в его время эта концепция не имела ничего утопического. В то время правительства были еще очень слабы: они едва еще оправились от революционной бури и все еще находились в страхе перед народным восстанием. Капитализм не достиг полной степени своего развития и очень легко мог быть ниспровергнут и экономическая жизнь могла быть построена на основах кооперации, идеи которой тогда распустились своим первым цветом.

В наше время Бакунин несомненно отказался бы от тайных обществ в пользу открытой пропаганды. Забастовки заменили бы баррикады, восстание против правительства заменилось бы всеобщей стачкой. Каждая эпоха имеет свои возможности и свои способы революции. Будем, как Бакунн, революционерами, но с тактикой, которая вытекает из новой техники. А больше всего сохраним его наследие — великодушие и энтузиазм. Новое общество не может родиться и развиваться без этого морального идеала.

М. Пьерро.

Париж.

БАКУНИН ЖИВ В ИСПАНСКИХ СЕРДЦАХ

Среди сотрудников юбилейного бакунинского выпуска „Дела Труда", я, вероятно, единственный, который видел Бакунина. Я не могу сказать иначе, как ВИДЕЛ, потому что в 1872 г., (в это время мы были в изгнании и жили в Цюрихе, Швейцария), мне было всего лишь четырнадцать лет.

Бакунин пришел к моему отцу и образ высокого, тучного человека, растянувшегося на софе, вместо того, чтобы сидеть на ней, все еще жив в моей памяти. Ну, конечно, это ничего общего не имеет с идеями Бакунина и с его революционной деятельностью.

В течении своей жизни Бакунин имел

два поражения: в Германии в 1848 году и во Франции в 1871 году. Но эта борьба была детской игрой в сравнении с кровавой борьбой в Испании, окончившейся поражением.

Испания, для которой Бакунин работал с таким энтузиазмом в конце шестидесятых годов, хорошо отозвалась на его призыв!

Природный инстинкт испанцев немедленно ухватился за анти-государственную пропаганду. Идеал коммунальной (общинной) свободы врожден в них, защита фуэрос (хартии провинциальных и коммунальных вольностей) — смысл их существования.

История роста и многообещающего развития не только этих идей, но и действительной стадии конструктивной анархии, синдикатов, кооперативов, коммунистического владения землей в различных провинциях Испании: Астурия, Андалузия, Валенсия и особенно в Арагоне и в Каталонии, еще должна быть написана.

Все это убито в начальной стадии расцвета об'единенными усилиями немецкого и итальянского диктаторов и любезностью французских, британских (могу сказать и американских) государственных деятелей. Но корни очень глубоко проникли в почву. Военная диктатура имеет предложить очень мало пищи для человеческих мозгов и Бакунин все еще живет в миллионах испанских сердец!

Поль Реклю.

БАКУНИН И БОЛГАРСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

До войны 1912-14 годов в Болгарии не было пролетариата, как экономической категории, как класса, резко отличного по своим интересам от остальных классов общества. Об'яснение этого факта лежит в экономической структуре страны. Во-первых, Болгария — страна земледельческая, мелкособственническая по преимуществу; во-вторых, благодаря долгому рабству под турецким игом, страна не была вовлечена в индустриальное развитие. Феодализм Турецкой империи веками господствовал и в Болгарии. Лучшие земли находились во владении турецких беев. После „освобождения" от турецкой власти эти земли были разделены между сельским населением, которое продолжало и до сих пор продолжает обрабатывать ее первобытным способом.

В идустриальном отношении страна была слишком отсталой. Ремесленичество, которое во время турецкого рабства процветало во многих городах, и долгие годы после „освобождения", вполне удовлетворяло потребности культурно осталого болгарского народа. При таком положении первыми носителями, пропагандистами социалистических идей вообще и бакунинских в частности были представители зарождавшейся интеллигенции и мелкие ремесленники, которые при турецкой власти были передовыми элементами народа. Преследуемая интеллигенция искала убежища на чужбине, главным образом в России, где соприкасалась с прогрессивными элементами, заражалась социализмом и по возвращению в Болгарию распространяла его в стране.

Идеи русских народников вдохновляли почти всю тогдашнюю болгарскую интеллигенцию. Благодаря тем же самым причинам, которые вызвали к жизни русское народничество, болгарское социалистическое движение приняло такой же характер, как и русское. Болгарская интеллигенция, как и русская, была разночинной. В зависимости от соотношения сил, она примыкала то к одному, то к другому классу, вследствии этого она была индивидуалистична и стремилась решить социальный вопрос на основе независимой, хорошо „оформленной" и „обособленной" личнсти. По этой именно причине и первые носители Бакунинского социализма понимали его ошибочно. Для первых болгарских анархистов Бакунин был человек стихийного и неудержимого бунта против всего. Он считался теоретиком стихийного разнузданного бунта народной массы, в котором основную, чуть ли не руководящую, роль должны играть деклассированные элементы и люмпен пролетариат, босяки. До 1923 года для болгарских анархистов Бакунин был не книжным анархистом, а человеком дела по преимуществу, который под „делом" разумел револьверы и бомбы, экспроприации банков и пр. Многие считали, что революция может быть совершена в любое время, достаточно если на „дело" наберется тысяча человек.

„Дух разрушающий есть дух созидающий" — эта фраза повторялась всеми анархистами. Эта, по истине, гениальная бакунинская мысль толковалась извращенно, т. е. понималась буквально: прежде всего разрушайте, создавайте хаос. Новое общество возникнет, как феникс из пепла. Поднимайте на бунт народ, он несет в себе залог нового строительства. Народ по инстинкту анархичен. Ток ложно был представлен Бакунин и зарождавшемуся уже в Болгарии пролетариату.

Организованное рабочее движение, понимая под ним профессиональное движение, пошло в Болгарии по пути противоположному Западно-Европейскому. Про-

фессиональное движение есть естественный результат столкновений уже оформившегося пролетариата с существующей буржуазией. Потребность защиты профессиональных и классовых интересов толкнул западно-евпорейский пролетариат к организации своих сил. Здесь, в этом рабочем движении, социализм вообще и социализм Бакунина в частности, нашел благодатную почву для развития и процветания. На конгрессах различных профессиональных организаций вырабатывались и уточнялись программы социалистического движения. Социализм Бакунина нашел естественного преемника—пролетариат, организованный именно в эти профессиональные союзы. Это нам показывает история Первого Интернационала. В Болгарии произошло как раз обратное. Рабочее профессиональное движение создавалось искусственно марксистами в целях использования его как трибуны и в целях вербовки членов в партию. Анархисты тогда были антисиндикалистами,отрицали участие в профессиональном движении всякого вида.Для них профессиональное движение не заслуживало внимания, так как оно было минималистским и реформистским. При таком положении можно себе представить каково было отношение болгарского рабочего движения к Михаилу Бакунину. Всецело пропитанное марксистскими идеями, в нем не было места для анархизма Бакунина. И если какой либо рабочий по счастливой случайности добирался до бакунизма, то партийные и профсоюзные лидеры спешили выставить его в каррикатурном виде, представить его мелко-буржуазной идеологией. Они не упускали случая в прессе и на рабочих собраниях приписывать Бакунину, по примеру Маркса, все низкое и мерзкое. Бакунин оставался неизвестным для огромного большинства болгарских рабочих. А те, которые его знали, знали в извращенном освещении.

Вот нагрянули события 1923—24 годов: попытка революции и взрыв в церкви Св. Седьмицы. Они потрясли до основания рабочее движение. Это был хороший предлог для буржуазии, чтобы расправиться с рабочим движением. Было убито около 30 тысяч городских и сельских рабочих. Вся пресса была закрыта и одного имени Бакунина было достаточно, чтобы засадить человека в участок, в тюрьму или просто расстрелять. После пережитого ужаса и разгрома, в среде болгарских анархистов возник вопрос о переоценке ценностей, о пересмотре анархических идей. Одни охотно принимали платформу Аршинова, видя в ней попытку создания движения на здоровой организационной основе; другие открыто заговорили об анархо-синдикализме. В 1927 году вышла первая синдикалистская газета „Синдикалист". Имя и облик Бакунина на страницах газеты были представлены в новом освещении. Потом была переведена на болгарский язык с сокращенного русского издания „История Первого Интернационала" Джемса Гильома. Статьи, печатавшиеся в синдикалистской газете „Работник", и „История Первого Интернационала" представили Бакунина и его идеи болгарским рабочим во всей их серьезности, стройности, убедительности и научной последовательности. Фигура Бакунина и его идеи предстали перед болгарским пролетариатом в правильном освещении. Бакунин и бакунизм предстали перед ним во весь рост и во всей силе.

Бакунин, например, в „Организация Интернационала" и „Парижская Коммуна и Понятие о Государственности", писал, что „прежде всего, организация, которая, впрочем, невозможна без помощи науки... Организация, вытекающая из повседневной жизни, основанная на различных видах труда; иными словами — организация по ремеслам". Теперь, ясное дело, по производствам. Или... „в деле социальной революции, диаметрально противоположной во всем революции политической, действия отдельных лиц были почти ничем, а самопроизвольная деятельность масс должна была быть всем. Разработать, осветить и распространить идеи, отвечающие народному инстинкту, и своими непрестанными усилиями придать революционной организациии стихийную мощь народного движения—вот все, что могут сделать отдельные лица, и ничего более; все остальное должно и может быть сделано только самим народом".

Статьи Бакунина явились не только для болгарского пролетариата, но и для очень, очень многих анархистов настоящим откровением.

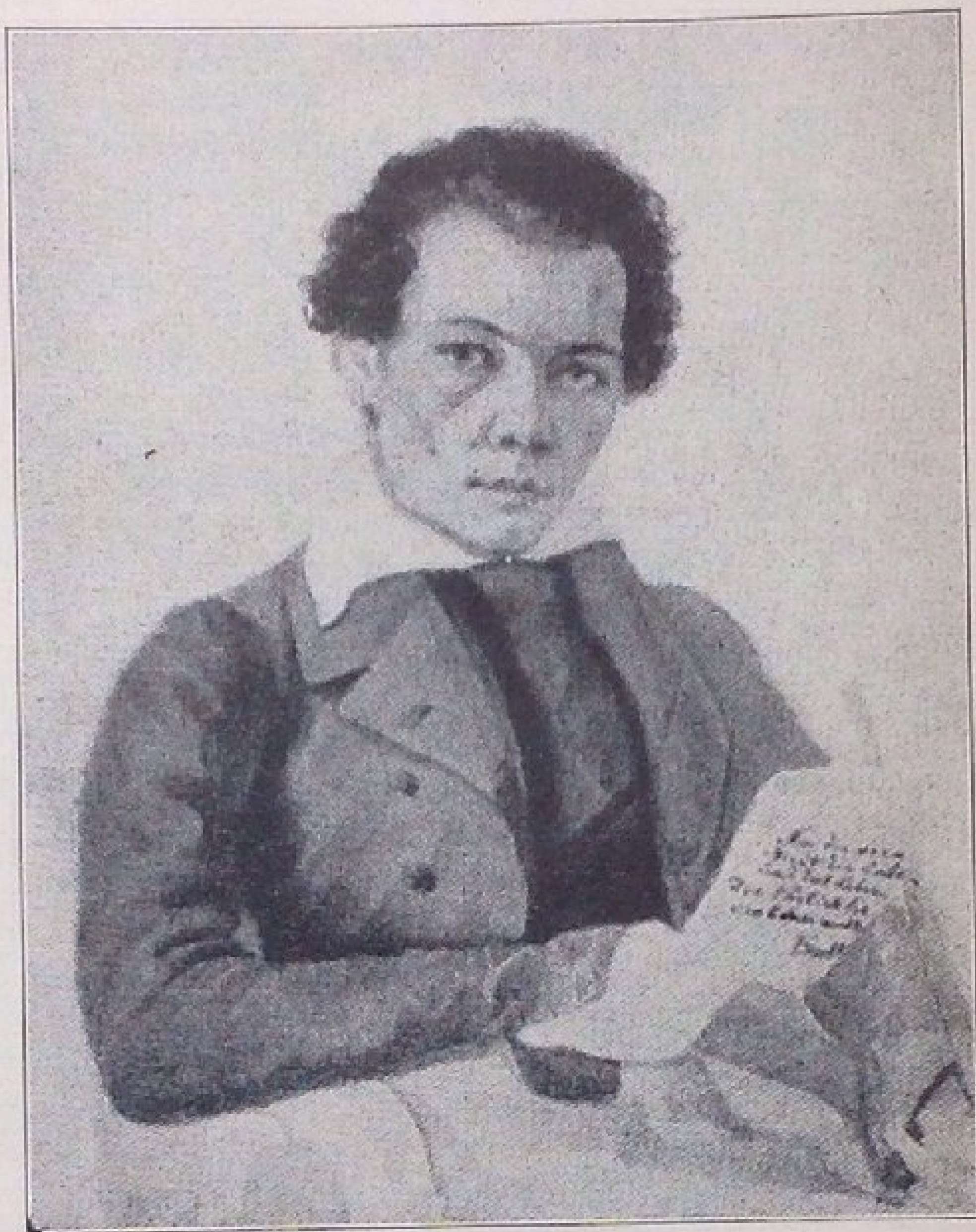
Так понятый Бакунин и его идеи не замедлили оказать влияние на часть болгарского пролетариата. В результате этого влияния в последствии была создана „Федерация Автономных Рабочих Синдикатов". Но ее существование не было продолжительным. Новая волна реакции залила страну. Федерация Автономных Синдикатов была прицельной точкой реакции. Один член был расстрелян с первомайским призывом в руках, многие были брошены в тюрьмы, а позднее и сама организация была разгромлена. Но, вопреки всем репрессиям, идея пробивала себе дорогу к болгарскому пролетариату. Вопреки всем усилиям черной реакции, в Болгарии сейчас существует „Конфедерация Труда", которая продолжает дело Бакунина, начатое им в Первом Интернационале. Идеи анархизма Бакунина, проповедываемые в форме анархо-синдикализма,

все сильнее и сильнее овладевают болгарским пролетариатом. Можно быть увесренным, что гениально обоснованные Бакуниным идеи анархизма, которые являются плотью от плоти и кровью от крови всех угнетенных на земле, рано или поздно, но восторжествуют.

Пролетарий.

София, Болгария.

БАКУНИН И НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ

ПОРТРЕТ БАКУНИНА.
(Акварель, 1838, Премухино).

Идейное влияние и непосредственные личные и организационные связи Бакунина с социально-освободительным движением есть вопрос первостепенного значения для новейшей политической истории Болгарии. И на нас, последователей Бакунина, возлагается обязанность изучить и раз'яснить эти связи и предложить их вниманию болгарского народа.

В данной статье мы постараемся привести ряд наиболее важных фактов, которые помогут нам получить ответ на занимающий нас вопрос.

Насилия султанов и беев в течении пятисотлетнего рабства довели народ до полного бесправия. Мрачны были первые годы этого рабства и страшны страдания народа.

В стремлении к самосохранению и национальному освобождению, народ выделял из своей среды сильных волей, свободолюбивых личностей — повстанцев, которые индивидуально вели борьбу с турецкой тираннией. Это—первый этап народной борьбы — этап индивидуального террора. Пезднее пришло четничество (дружины), которое организовывало отдельных борцов в вооруженные группы, дружины. Это—второй этап борьбы. На смену четничеству пришла внутренняя революционная организация — организация народа в местные сельские и городские революционные комитеты, об'единенные по округам, с тайным Революционным Центральнм Комитетом. Это третий и последний этап борьбы за национальное освобождение. Наивысшим пунктом национально-революционной борьбы, ее эпилогом, является апрельское восстание 1876 года.

Идейными вдохновителями революционной организации были Любен Каравелов — ученик Герцена, и Христо Ботев, ученик Бакунина, а душой ее — легендарный герой до-освободительной эпохи — Васил Левски.

Просматривая краткую историю революционной борьбы мы видим, как на передний план выплывает мощная фигура интернационалиста и вечного бунтаря Михаила Бакунина. Его бунтарские идеи коренного общественного преобразования влияют, руководят, сближают, разделяют, волнуют, воодушевляют революционную эмиграцию в Румынии, а через нее и освободительное движение в Болгарии. Они оказали влияние не только на Каравелова, не только на Ботева, но и на В. Левски — душа движения — а через него и на все движение.

В 1869 году революционная организация болгарской эмиграции в Румынии послала делегацию к Герцену, Маццини и Бакунину. Герцен мало интересовался бо-

лгарскими делами и направил делегацию — Теофан Райнов, Райчо Грблев — в Женеву, к Бакунину. Он встретил их с распростертыми об'ятиями: „Дорогие братья! Извините, что до сих пор не подумал о вас, но я с вами, потому что я интернационалист". Бакунин выслушал делегацию и отдал себя на службу их дела. **Он собственноручно написал программу для болгарского Революционного Комитета,** которую Н. Жуковский переписал для болгар, так как они не могли разобрать бакунинский почерк. Бакунин изложил в программе революционный метод действия и свои анархические идеи. Он дал им план подготовки восстаний. Таким образом, Бакунин оказал прямое влияние на самый важный факт новой истории Болгарии — на Апрельское восстание, в огне которого родилась наша свобода.

Утеря оригинальной бакунинской программы является огромным несчастьем, препятствующим установить степень влияния идей великого русского на болгарских революционеров. Евгений Волков думает, что эта программа сохранилась в архиве Нечаева в Париже. Найти эту программу чрезвычайно необходимо, потому что ею руководилось болгарское революционное движение, вопреки страстным спорам между Каравеловым и оппозицией, которые начались из за программы еще в 1869 году.

В декабре 1869 года бакунинская программа должна была быть рассмотрена на годичном собрании революционного движения в Бухаресте. Однако в идейной части она была предварительно изменена Каравеловым, который сопроводил ее запиской, подчеркивавшей различия в понятиях болгарского революционного движения и русского, главным образом, бакунизма. Тактическая часть также была изменена Ботевым и Левски, которые придали ей более резкий и бунтарский характер. Два течения, одно узкое национально-реформистское и либерально-демократическое, возглавляемое Каравеловым, другое социально-бакунинское, находившееся под руководством Ботев-Левски, представили собранию свои проэкты. Сражение было выиграно умеренным крылом Каравелова. Программа Ботева поддержанная Левски и др. была провалена, официально была принята компромиссная программа, опубликованная в октябре 1869 года в „Народном Деле". Революционные взгляды Бакунина были отвергнуты Каравеловым и большинством представителей. Но и в принятой программе все-же остались положения, в которых явно звучит голос Бакунина:

1. Мы относим наших богачей к нашим врагам и будем их преследовать повсюду и всякого;

2. Мы не стремимся работать ни с каким деспотическим правительством, если даже это правительство будет составлено из наших родных братьев;

3. Нашими союзниками должны быть только порабощенные и измученные тяжким трудом и бедностью народы, каким являемся и мы сами.

Но этой компромисной программой оппозиция осталась недовольной. Самый активный член революционного движения, Левски, проводил не эту программу, а неизмененную, носившую бунтарский и революционный дух бакунизма. В 1870—71 г., Левски, вместе с А. Кончевым и Димитр Общи, развил лихорадочную деятельность, исколосил всю страну, которую усеял множеством тайных революционных комитетов, костры подготовляемой революции.

Евгений Волков, авторитетный и об'ективный историк этой эпохи, говорит следующее об этой деятельности: „Они безгранично верили в революционную силу болгарского народа и они не только не приостановили свою агитацию за расширение содержания болгарской революции, и за придание ей такого боевого и интернационального характера, который вовлек бы в общее русло социального бунта и соседние народы, наоборот, они усилили ее и сделали ее еще более непримиримой (Е. Волков, „Христо Ботев", стр. 218).

Недовольное этой революционной деятельностью, умеренное крыло подготовляло удар, направленный против революционных деятелей.

Майское собрание 1872 года закончилось полным поражением бунтарского крыла. Оно не только отменило „устав" и подтвердило положения, выработанные декабрьским собранием, но в новой редакции этих положений оно подчеркнуло их политический характер за счет социального". (Е. Волков, там-же, стр. 219). Руки Левского были связаны обязательством согласовать свою деятельность с деятельностью других членов Рев. Ком. и обещанием ничего не предпринимать без их ведома.

Началась непримиримая внутренняя борьба между двумя крыльями движения. Это не была борьба на почве личных недоразумений и амбиций, это столкновение тактических и основных теоретических принципов. Встретились два мировоззрения и между ними завязалась борьба: идеи социальной революции Бакунина, изменяющие существующее общество и радикализм Герцена. Тогда как Каравелов все больше и больше приближался к реформистской буржуазии, Ботев-Левски, наоборот, закреплялись на революционных позициях. „Они оставались на почве бунтарских идей русской общест-

венности 70-х годов, перенесенных в среду болгарской эмиграции русскими изгнанниками, учениками Бакунина, Нечаева и ими самими". (Е. Волков, там же, стр. 23). Сопоставлением идей и понятий этих двух крыльев мы выясним глубину противоречий между ними.

Ботев, следуя Бакунину, подчеркивал социальный характер быта болгарского народа. Народ, по его мнению, имел социалистические инстинкты и был революционен по природе. Народ всегда был за свободу, против власти во всех ее разновидностях и формах. Каравелов отрицал это. Ботев понимал революцию как коренное преобразование общества: экономическое, политическое и культурное. Революция прежде всего уничтожит всякую власть и государство. Для Каравелова революция была чисто политическим актом без социального содержания. Ниспровержение турецкой политической власти и создание демократического болгарского государства — его конкретная программа. Каравелов стоял за дунайскую федерацию, но различие в понимании федерации им и Ботевым было огромно. Тогда как Ботев развивал анархические идеи Бакунина: федерация самих народов свободных, независимых в „своем собственном доме", Каравелов был за федерацию государств и правительств славянских народов. Е. Волков совершенно правильно разделяет национально-освободительное движение на конфедералистов-государственников и федералистов-народников. Это деление обнаруживает сущность двух крыльев и показывает глубокую пропасть, которая их разделяла.

Народники за непримиримую революционную борьбу и социальную революцию; государственники за политический переворот. Народники за полную человеческую свободу; государственники за „равенство" перед законом. Народники за свободную общину, как первичную ячейку социальной организации свободного народа и за уничтожение государства; государственники за государство, как единственно возможную форму общественной жизни. Народники за федерализм, как выражение свободного соглашения; государственники за централизацию и власть. Народники за федерацию свободных народов без правительств; государственники за конфедерацию правительств славянских народов.

Эти два начала, эти два мировоззрения, которые сожительствовали в революционном движении с момента его возникновения, вели непрестанную борьбу, которая не выходила наружу и не приводила к формальному расколу, так как само движение еще не было оформлено. Когда же оно вполне оформилось и каждый пошел к своей цели — буржуазный радикализм и революционный анархизм — наступил официальный разрыв. Разногласие между Герценом и Бакуниным повторилось в Болгарии в лице двух их достойных учеников: Каравелов—Ботев.

С этого момента и по настоящее время Бакунин поднялся как колосс и фактор в развитии болгарского революционного движения. Но мощное и благотворное влияние Бакунина на нашу действительность идет и косвенным путем, через его достойного и последовательного ученика Христо Ботева.

***

Христо Ботев — знамя и идеал болгарского народа. Его поэтический талант развился и расцвел в России под влиянием тогдашней русской действительности и великой русской литературы. Чернышевский, Писарев, Добролюбов были первыми писателями, которые увлекли Ботева. Но бесспорен исторический факт, что самое сильное влияние на Ботева оказал Михаил Бакунин, самая крупная и внушительная фигура этой эпохи. Идеи Бакунина были идеями передовой молодежи, среди которой рос и учился Ботев. Ботев был бакунистом и остался им до конца жизни.

Единство взглядов двух великанов — один интернационального масштаба, другой национального — очень интересный вопрос и мы имеем возможность восстановить историческую истину, которая или скрывалась или извращалась заинтересованными писателями Болгарии. Восстанавливая эту истину, мы проникаемся уважением и восторгом перед Ботевым и его учителем.

Отношение Бакунина к религии отрицательное и вытекает оно не только из научно обоснованного атеистического взгляда, но и из основного положения его социализма — свобода, равенство и справедливость. Приписывая богу все, человек становится ничто, раб. Признав власть одной личности, хотя бы это был бог, губишь свою свободу и становишься рабом. А без свободы нет равенства, без равенства нет справедливости. Идея бога влияет рабски не только на личность, но и на массу. Религия — тормоз в борьбе за свободу и равенство.

„Один из главнейших врагов человеческого прогресса и свободы был, и может быть еще долго будет, духовенство и религия", пишет Ботев, целиком разделяя взгляд Бакунина. „Множество глупых религиозных суеверий... постоянно убивали и убивают нравственные, умственные и физические силы народа". В статье: „Решен ли церковный вопрос", Ботев пишет: „для народа он решится только когда он останется без духовенства". Религиозные

догмы Ботев заменяет „новой и рациональной наукой", „свободой и правдой", „человеческим разумом".

Организационный принцип свободного общества, за которое боролся Бакунин,— федерализм. Только он может обеспечить свободу личности или групп и, об'единяя их на основе свободы, создать целостную организацию как национальную, так и интернациональную. „Федеративная организация рабочих союзов, групп в общины и, наконец, в области и нации — это единственное условие истинной, а не фиктивной свободы".

У Ботева мы находим теже взгляды. В статье: „Народ вчера, сегодня и завтра", он пишет, что народы имеют свою „особую жизнь", особый характер и лицо, отличающие их, как народ. „Дайте народу возможность развиваться в согласии с народными началами и вы увидите как он устроится. Разве вы не видите зародыша в его общине без всякой централизации, в его ремесленных товариществах — мужских, женских, детских?" В другом месте он пишет, что „единственный" рецепт, который мог бы быть предложен голодным — „восстание против существующего общественного строя. Разрушьте эту иерархию в человечестве и вы увидите, что уничтожатся и причины наших страданий!".

Бакунин теоретик прямого действия. Представительная система, парламентаризм, стремления овладеть политической властью суть только средства порабощения трудящихся масс. „Те, кто искренне хочет действительного освобождения народных масс, пойдет вместе с нами по пути социальной революции, потому что нет другого пути завоевания народной свободы".

Ботев также является ярким сторонником прямого действия. „Единственный исход из того грозного положения, в котором находится народ, революция, и революция народная, немедленная, отчаянная, которая очистила бы Балканский полуостров не только от турок, которых мы считаем животными и зверьми, но и от всего того, что может вредить нашим стремлениям к абсолютной и полной человеческой свободе".Для завоевания этой свободы нужны не выборы и голосование, а „огонь и железо, протест, бунт, революция".

Бакунин активный борец за славянскую конфедерацию. Его деятельность в славянских странах, восстание в Праге, его связи с проснувшимися и свободолюбивыми славянами, заполняет огромную часть его обширной общественной деятельности.

Для Ботева конфедерация славянских народов была одной из основных задач. Если он ратовал за „разумный и братский союз народов", то идея „свободной Дунайской Федерации" была ему еще ближе. Подобно Бакунину и он думал, что славянские народы должно связать во имя братства, свободы и равенства и на тех демократических началах, на которых зиждется жизнь „болгарина и серба". И этими началами были „общины без всякой формы государственного управления —конституции и республики". Славянская федерация в представлении Ботева не простой союз государств, а союз народов, свободных от всякой тирании и рабства.

Ботев следовал взглядам Бакунина и в вопросе о коммуне, о силе и „инстинктивно"—революционном духе народа, на частную собственность, которую он, вместе с Прудоном, считал кражей, на политические свободы, четничество и пр. и пр.

„Если бы народы могли видеть источники своих страданий, то они убедились бы, что главный и единственный их враг —правительство, и что...основа всякого государства — кража, ложь и насилие...Разделяй и властвуй и ныне продолжает быть девизом всякого государства. И в самом деле, в каком государстве сильные не держат в своих руках слабых, богатые бедных, а правительство—весь народ? Пройдите все меридианы и все параллели земного шара и посмотрите, сможете ли найти исключение из этого правила. Ружья и пушки показывают, что закон создан для рабов и мы, вместе с Прудоном, можем скаать, что всякое правительство — заговор, заговор против свободы человечества" (Хр. Ботев, Сочинения, стр. 151).

Ботев не был теоретиком и его короткая жизнь не позволила ему развить свои идеи в стройную систему, но его влияние на болгарскую молодежь сильно и глубоко, как и влияние Бакунина на русскую молодежь и на международный пролетариат. Бурная жизнь и того и другого оставила глубокие следы.

В небольшой и почти уже забытой книжке: „Хр. Ботев и русская литература", д-р Максимов пишет: „Как распространитель социалистической мысли и вдохновитель революции девятнадцатого века, Бакунин личность общеизвестная. О нем будут говорить историки революционного движения России, Польши, Франции, Германии, Италии, Испании, Швеции и Швейцарии. Повсюду слышалось его мощное слово. Не малое обаяние имел к нему, этому всеизвестному человеку, и Ботев.

Может быть по его брошюрам и статьям или по одесским кружкам, он уже знал идеи Бакунина, изложенные в сочинениях, изд. в Цюрихе: „Историческое развитие Интернационала", „Государственность и Анархия" (1873) и „Анархия по Прудо-

ну", (1874), по-русски *).

Начиная с Захария Стоянова и Ст. Заимова и кончая М. Дмитровым и Г. Бакаловым, из всех тех,которые в продолжении четырех-пяти десятилетий писали в нашей литературе о книгах, которые вместе с личным влиянием Нечаева, оказали решительное влияние на Ботева и определили его социальное кредо — бакунизм, только один Максимов обратил внимание на бакунинские книги, которыми пользовался Ботев. Кличаров пишет о Чернышевском, Писареве, Добролюбове, Герцене; М. Дмитров, а за ним Волков, установили исторический факт, что Ботев вырос под мощным влиянием Бакунина, но не потрудились указать его труды, которые Ботев мог читать. Бакалов дает много сведений о жизни и идеях Нечаева и других русских друзей Ботева, но ни слова о бакунинских книгах. Можно только пожалеть, что такой беспристрастный и честный исследователь, как Е. Волков, который осветил жизнь, связи, влияния и идеи Ботева, перегруженный работой в неблагоприятных условиях, не уделил специальной главы бакунинской литературе: призывы, воззвания, речи, программы, статьи, которые Ботев читал. Это имеет огромное значение для выяснения общественно-политических идей Ботева. Потому что, если верна мысль Волкова, что формирование мировоззрения Ботева происходило под влиянием сильной, энергичной личности Нечаева, то будет, следовательно, верно и то, что это же самое могло происходить и в результате продолжительного воздействия на него трудов Бакунина. Влияние этих трудов, каждая строчка которых дышет силой, страстью и любовью революционера, не могло быть слабее „Что делать?" Они открыли Ботеву двери в новый, доселе неизвестный ему мир.

Описывая литературу, которая была найдена при аресте товарища Ботева Меледина, Бакалов пишет: „Из подчеркнутых нами пяти названий „Колокол" и „Община" были редактированы, а остальные три („Постановка революционного вопроса", „Воззвание к Петербургским студентам" и „К молодым братьям в России") написаны Нечаевым. Так что, вообще говоря, это нечаевская литература". („Русские друзья Хр. Ботева", стр. 44). Впрочем, добавляет Бакалов, „нас здесь не интересует вопрос об авторстве этой литературы" и отсылает за сведениями к М. Ю. Стеклову („Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность").

Серьезное отношение к вопросу о литературе, которой пользовался Ботев, требует выяснения авторства, а не отделываться, как Бакалов, словами: „вообще говоря".

Каравелов и Ботев были в связи с революционными русскими изданиями в Женеве, Цюрихе и Лондоне. Болгарский Революционный Комитет напечатал свою программу в „Народном Деле", первый номер журнала редактировался Бакуниным, в котором он напечатал „Наша Программа" и статью „Наука и Народ", сыгравшие решительную роль в деле идейного формирования русской молодежи. Известно, что этот журнал в России переписывался от руки и распространялся во многих экземплярах. Ботев, конечно, читал этот выпуск. Он читал и руководился „Революционным Катехизисом", за который сидел три месяца в тюрьме в Фокшанах, Браилове и Галаце: „Мой брат был арестован за катехизис", говорит Кирилл Ботев.

В одном письме к И. Драсову Ботев писал, что русские социалисты из Лондона и Цюриха приглашают его приехать к ним или стать их комиссионером. „Они желают, продолжает Ботев, войти в сношения с нашими революционерами и предлагают обмениваться пропагандистами и паспортами. „Мы готовы помочь вам и нравственно и фузически, т. е. словом и мускулами", пишет мне один мой бывший соученик Судзиловский. Я ответил, что беру комиссионерство, что касается остального, подождем решения собрания". Бывший соученик Ботева, Судзиловский, есть русский бакунист д-р Руссель. Ботев, став комиссионером русских социалистов, получая лавристскую и бакунинскую литературу, не только переправлял ее через границу, но и усердно распространял, особенно бакунинскую. По свидетельству Волкова, Ботев начал выписывать эту литературу не только для личного пользования, но и для агитации. В этот период жизнь „Ботева приняла широкий общественный характер, вышла из тесных рамок окружающей его болгарской эмиграции" (Е. Волков, там-же, стр. 245).

Нужно подчеркнуть то обстоятельство, что Ботев знал французский язык и мог следить за статьями Бакунина по органам Юрской Федерации и бакунинского крыла Интернационала. В этом отношении симтоматичен его обзор политических событий, который подтверждает наши предположения.

Чтение французских и русских изданий Юрской Федерации, получавшихся „пачками", бакунинской литературы, которая распространялась с агитационной целью, как-будто подтверждает предположение, что связь Ботева с Бакуниным была не только идейная, но письменная и организационная.

*) Автором „Анархия по Прудону" является Дж. Гильом.. Ред. „ДТ".

Духовная эволюция Ботева от идей шестидесятых годов к идеям семидесятых годов произошла главным образом под влиянием Нечаева. Нечаев познакомился с болгарами в доме Бакунина. С одним из них он уехал в 1869 году в Румынию и жил с Ботевым. Здесь, с сильной страстью от'явленного революционера, Нечаев обратил двадцатилетнего Ботева в бакунизм. Он, конечно, имел при себе книги Бакунина, которые Ботев жадно поглощал. Поэтому все его статьи в журнале „Дума", который Ботев начал издавать вскоре после совместной жизни с Нечаевым, напоминают дух писаний Бакунина.

Позднее, Нечаев, до своего ареста, еще несколько раз жил с Ботевым. Но Ботев был в тесной дружбе и с другими бакунистами: д-р Руссель, Арборе-Ралли, редактор второго, после „Народного Дела", анархического журнала „Работник", Зубко Кодреану, Шапченко, Петровский и др. Вокруг Ботева образовалась группа единомышленников Бакунина, которая получала и переправляла издания Бакунина в Россию. Бакунин говорил с Каравеловым об организации тайной типографии в Румынии, которая обслуживала бы болгарское и русское революционное движение. Уговаривал создать славянскую секцию при Интернационале. Ст. Заимов, современник и друг Ботева, пишет, что Ботева „приглашали на международный конгресс анархистов". Хотя один из главных организаторов этого конгресса и сообщает, что пикто из болгар не был приглашен, мы, вместе с Е. Волковым, имеем основание усомниться в этом: не изменяет ли ему память? До сих пор мы не имеем документов, которые подтверждали бы связь Ботева с анархическим движением Европы, но не сомневаемся, что таковая была. Отсутствие таких документов об'ясняется тем фактом, что, вскоре после освобождения, болгарские политики-консерваторы уничтожили эти документы Ботева, чтобы скрыть его связь с неприятными им бакунистами и тем предотвратить молодежь от „дурного примера".

Согласно воспоминаниям современников, Ботев, вместе с Нечаевым, задумал организовать из болгарской эмиграции социалистическое (бакунинское) общество со своей типографией, программой и пр. и войти в связь с другими революционными организациями Европы, т. е. организовать болгарскую или славянскую секцию при Интернационале, в необходимости которой Бакунин убеждал Каравелова еще в 1870 году в Женеве.

Если за такое общество не принимается группа русских бакунистов около Ботева, то следует согласиться с Волковым, что „такое социалистическое общество уже существовало — Болгарский Революционный Центральный Комитет, со всякого рода его разветвлениями внутри и вне Болгарии, с взаимоотношениями с русской революцией, с его связями с лидерами революционного движения всей Европы: от Гарибальди и Маццини до Бакунина и Нечаева, с его декларациями против богатых, за республику и Дунайскую федерацию, с его признанием „черного террора", политическлх убийств и пр.,

Болгария. **В. Огнев.**

ФАКСИМИЛЕ БАКУНИНА

БАКУНИН В КЕНИГШТЕЙНЕ

(Отрывки из письма к Рейхель, 1847—1850 г.).

В 1924 году в Берлине, я получил от тов. М. Неттлау печатаемые ниже письма Бакунина и отнес их издателям журнала „На Чужой Стороне" — Мякотину и Мельгунову. Последние охотно согласились их напечатать. Письма были напечатаны в одном из первых выпусков журнала.

Письма представляют большой интерес и я считаю полезным ознакомить с ними наших товарищей в Америке. Все примечания к письмам принадлежат т. М. Неттлау и редакции „На Чужой Стороне".

Из этого же журнала я перепечатываю „Тайна Жизни", несколько строк вписанных Бакуниным в 1845 году в альбом С. Мельгуновой. Эти строки чрезвычайно ценны тем, что дают некоторое представление о настроении Бакунина в период, предшествовавший политической буре 1848 года. **Г. Максимов.**

Только недавно в „Материалах для биографии М. Бакунина" В. Полонского (Москва, 1923 г., 1, стр. 47—53) опубликовано письмо Бакунина в период его заключения в Германии к его дрезденскому адвокату. Письмо помечено 17 марта, 1850 г. (в копии же, сделанной у адресата сестрой Рейхель Матильдой, стоит дата 23 марта). Имеется еще восемь писем Бакунина за этот период — пять Адольфу Рейхелю и три его сестре (с 15 октября 1849 г. по 11 мая 1850 г.); из них только письма Рейхелю были до сих пор воспроизведены в моей биографии Бакунина, появившейся в немногих экземплярах на правах рукописи, письма же к сестре помещены только в рукописном пока добавлении к этой биографии. Здесь я беру из этих писем несколько самых интересных мест. Сам Адольф Рейхель и бернский профессор Адольф Фогт, старый друг его и Бакунина, познакомили меня в свое время с этим материалом. Письма написаны по-немецки **).

10 марта 1924 г.

М. Неттлау.

(Крепость Кенигштейн в Саксонии)

15 октября 1849 г.

...Что касается меня, то я спокоен и здоров, — много занимаюсь математикой, читаю сейчас Шекспира и изучаю английский язык; — особенно, математика хорошее средство отвлечения, а ты знаешь, что у меня всегда был большой талант к отвлеченности; теперь же я volens nolens переведен в абстрактное положение. С тех пор, как меня перевели в Кенигштейн *), —в тот самый Кенигштейн, которым много лет тому назад я так любовался снаружи — я чувствую себя совсем хорошо, конечно, насколько это возможно в тюрьме. Обращаются здесь со мной чрезвычайно гуманно, я же с своей стороны стараюсь избегать всего, что могло бы дать повод к изменению такого обращения, — и если я не прямо таки весел, то и несчастным вовсе не чувствую себя, а спокойно жду совершенно неизвестного мне будущего. — Вот и все, друг, что я сейчас могу тебе сказать о себе самом; когда мне приходится плохо, я вспоминаю свое любимое изречение: ,,пред вечностью все ничто"... а затем точка....

...И все же, что значат наши личные страдания (по сравнению) с великим страданием возрождения, охватившим теперь весь мир? Мы все еще большею частью очень одиноки, но время велико, безконечно велико, достаточно велико, чтобы вдохнуть веру и мужество в слабейшего.

Будь здоров, старый, дорогой друг, — сейчас опять принимаюсь за свою математику...

24 ноября.

..Мне не надо говорить тебе, что я все прежний, такой, каким ты меня знал и любил, может быть, немного опытнее, но все прежних убеждений, только они еще глубже пустили корни в моем сердце и уме.— Я занимаюсь теперь исключительно математикой; так как в течение многих лет я совсем забросил ее, то и стал проходить с начала, как-будто совершенно ничего не знаю, и продвинулся уже довольно далеко...

9 декабря.

...Дорогой друг, чтобы хорошенько оценить свободу, надо сначала посидеть в тюрьме. Благодаря некоторым друзьям у меня есть здесь почти все, что только, будучи благоразумным, можно желать,

*) С 11 по 24 мая Бакунин был в городской тюрьме (Дрезден, Старый город), потом в кавалерийских казармах (Дрезден, Новый город), пока 27 августа его не перевели в крепость Кенигштейн; перевозка всегда совершалась ночью. Н.

**) Все примечания за подписью Н сделаны Неттлау. Слова, стоящие в скобках ( ) вставлены Неттлау. Фразы, заключенные в тексте в скобки [ ], написаны Бакуниным по-французски.

— удобная комната, книги, сигары, и все же я обязался бы несколько лет питаться одним черным хлебом и жить в лесу, только бы быть свободным...

..Я ничего другого и не жажду теперь, кроме позитивного знания, такого знания, которое мне поможет понять действительность и самому стать настоящим человеком. Мне надоели абстракции и фантастические призраки, которыми испокон веков занимаются метафизики и теологи. Думаю, что без тошноты я теперь не мог бы открыть ни одной философской книги. Что скажешь ты на это, дорогой мой Шлейфермахерианец?

..Но я обращаюсь теперь к тебе с гораздо более серьезной просьбой*): денег, денег, дорогой мой. — Не приди мне на помощь некоторые друзья из Кетена **), я терпел бы все это время величайшую нужду, будучи совершенно отрезан от своих естественных источников ***). От поляков мне нечего ждать, большинство сами нуждаются, иные же благоразумно отступают — я бы мог кое-что сказать про польскую надежность и благодарность; все же немцы остаются моими вернейшими друзьями; не странно ли это, славянин, русский, находит в Германии последних друзей! Сейчас я живу щедротами г-на Отто ****), — я должен это тебе сказать [чтобы ты понял всю щекотливость моего положения; и чем щедрее становится г-н Отто, тем меньше я должен страдать от того, что он приносит жертвы мне, почти совершенно ему чужому человеку. Разве не безсмыслица — клиент, оплачиваемый своим адвокатом?] — Где и как Ты найдешь деньги — Твое дело, но найти деньги Ты должен, — [Ты не можешь себе представить до какой степени добр и снисходителен ко мне г-н Отто, — поблагодари его за это от себя]...

...Бога ради не дай заглохнуть своей музыкальной жилке, — из всех искусств теперь у одной музыки есть в мире права гражданства; — ибо там, где говорят пушки и сама действительность, поэзия должна молчать, живописи пришлось бы изображать только безобразное; о скульптуре я даже не пишу, [разве только г-н де Ламартин разрешит изваять себя, как величайшего фразера века]. — Архитектура еще не нашла нового божества, чтобы воздвигнуть ему храм, и ей приходится ограничиваться постройкой теплых и удобных зал для болтливых национальных собраний. У одной только музыки есть место в современном мире, именно потому, что она не претендует на выражение чего либо определенного, а только выявляет общее настроение, великую наболевшую тоску, царящую в современности, поэтому то ей и приходится быть великим трагическим искусством. — нет больше песен любви; представь себе какого-нибудь Петрарку в наше время. Каким смешным и несносным должен бы он был всем казаться! — Я вовсе не удивляюсь, что Ты увлекся духовной музыкой. Ты знаешь мое пристрастие к этому жанру, а ты по правде не можешь упрекать меня в том, что я придерживаюсь хоть чего-нибудь в какой-либо из существующих религий. Ничто мне так не ненавистно, как лицемерие подогретой лжи. Но религия всем нам нужна, — во всех партиях чувствуется ее недостаток; очень немногие верят в то, что делают, — большинство руководствуется либо отвлеченной системой как-будто живая жизнь является только приспоблением жалких абстракций, — вследствие этого-то они и импотентны, либо (действуют) согласно своим материальным интересам; — эти еще в лучшем положении, потому что у них, как им кажется, по крайней мере, в данный момент, довольно твердая почва под ногами; — но эта почва давно минирована и скоро поглотит реалистов вместе с рыцарями абстракции. Длинный р(яд), усыпляющий шум растущей индустрии, и, наконец, внутреннее разложение мира старой морали и религии, которая уже 50 лет незаметно, но неутомимо делает свое дело, так измельчили человеческую природу, что большинство теперь, даже среди этих великих бурь, не может себе представить, что совершающееся не кошмар или дурной сон, а действительность...

(Сестре Рейхеля). 16 января 1850 г.

..Что касается моей здешней жизни, то она очень проста и может быть изображена в немногих словах: — у меня очень чистая, теплая и уютная комната, много света и я вижу в окно кусок неба. В семь часов утра я встаю и пью кофе; потом сажусь за стол и до 12-ти занимаюсь математикой. В двенадцать мне приносят еду; после обеда я бросаюсь на кровать и читаю Шекспира или же просматриваю какую-нибудь математическую книгу. В два за мной обычно приходят на прогулку;

---

*) Чем прежняя (24 ноября) о математических книгах. Н

**) Лица радикального круга в Кетене (Ангальт), которыя много лет поддерживали знакомство с берлинскими радикальными группами, так с кружком Макса Штирнера, и которые осенью 1848 г. дружественно приняли Бакунина, высланного из Пруссии и Саксонии; они образовали даже тогда ангальское правительство и давали приют всем беглецам. Н.

***) От семьи, как это видно из первого письма Бакунина родителям, братьям и сестрам (4/16 января 1852 г.; Материалы, 1, № 30). Н.

****) Его защитник в Дрездене. Н.

тут на меня надевают цепь, вероятно, чтобы я не убежал, что, впрочем, и без того было бы невозможно так как я гуляю между двумя штыками, и бегство из крепости Кенигштейн, кажется мне, по крайней мере, невозможным. Может быть, это тоже своего рода символ, чтобы напоминать мне в моем одиночестве о тех невидимых узах, которые связывают каждого индивидуума со всем человечеством. Как бы то ни было, но украшенный сим предметом роскоши я немного гуляю и издали любуюсь красотами Саксонской Швейцарии. Через полчаса я возвращаюсь, снимаю наряд и до шести часов вечера занимаюсь английским. В шесть я пью чай и опять принимаюсь за математику до половины десятого. Хотя у меня нет часов, но время я знаю довольно точно, так как башенные часы отмечают каждые четверть часа, а в половине десятого вечера раздается меланхолическая труба, пение которой, напоминающее горькую жалобу несчастного влюбленного, служит знаком, что надо тушить свет и ложиться спать. Понятно, я не могу сразу заснуть и обычно не сплю за полночь. Это время идет (у меня) на всевозможные размышления, особенно о тех немногих любимых дружбой которых я столь дорожу. Мысли безпошлинны, не стеснены никакими крепостными стенами, и вот они бродят по всему свету, пока я не засыпаю. Каждый день повторяется та же история... Теперь мой внутренний мир — книга за семью печатями, о ней я не смею и не хочу говорит. Как я сказал, я спокоен, совершенно спокоен и готов ко всему. Я еще не знаю, что со мной сделают; надеюсь скоро выслушать первый приговор. Я равно готов, как снова вступить в жизнь, так и разстаться с ней. Теперь я ничего, т. е. только думающее, значит, не живущее существо; ибо, как это недавно узнала Германия, между думать и существовать все же огромная пропасть...

(Ей-же). 16 февраля 1850 г.

..Итак, Вы уже знаете, что я приговорен к смерти. Теперь я должен сказать Вам в утешение, что меня уверили , что приговор будет смягчен, т. е. заменен пожизненной каторжной тюрьмой или столь же продолжительным заключением в крепости. Я говорю: Вам в утешение, потому что для меня это не утешение. Смерть была бы мне куда милее. Право без фраз, положа руку на сердце, я в тысячу раз предпочитаю смерть. Каково всю жизнь прясть шерсть или сидеть в одиночестве, в бездействии, никому ненужным, в крепости за решеткой, просыпаясь каждый день с сознанием, что ты заживо погребен и что впереди еще безконечный ряд таких безотрадных дней! Напротив, смерть только один неприятный момент, к тому же последний, момент, которого никому не избежать, наступает ли он с церемониями, с законными заклинаниями, трубами и литаврами, или захватывает человека неожиданно в постели. — Для меня смерть была бы истинным освобождением. Уже много лет нет у меня большой жажды жизни. Я жил из чувства долга, смерть же освобождает, как от всякого долга, так и от ответственности. Я вправе желать смерти, так как ничья жизнь не связана неразрывно с моей...

..Правда, за последние два года в Германии у меня было мало радости. Часто я бывал в самом затруднительном положении. Один, очень часто без денег, я был вдобавок ославлен, как русский шпион, а в то же время с другой стороны на меня смотрели, как на неистового, безумного якобинца. И то, что меня считали за русского шпиона, толкнуло меня на некоторые сознательно неосторожные шаги, запутавшие и скомпрометировавшие меня. Я мог, но не хотел бежать из Дрездена *). Чего я хотел, я скажу вам, дорогой друг, поскольку я могу себе позволить здесь говорить свободно: я бросился между славянами и немцами, между двумя великими, но, к сожалению, взаимно друг друга ненавидящими расами, бросился, чтобы предотвратить гибельную борьбу и повести их соединенные силы против русской тирании, не против русского народа, нет, а для его освобождения. Это было гигантское предприятие. Я был один, не имея ничего, кроме доброй, честной воли, и, может быть, меня могли упрекнуть в том, что с моей стороны было донкихотством думать о такой гигантской работе. Я же рассчитывал на более продолжительный прилив в движении. Я ошибся в рассчете: отлив наступил раньше, чем я ожидал, и вот я засел в Кенигштейне на самой высокой точке Саксонии. Собственно Дрезден был для меня случайностью; но в нем то как раз я и потерпел кораблекрушение **).

Заслужил ли я смерть? По законам, насколько я их понял из об'яснений своего адвоката, да. По совести моей — нет. За-

*) В начале революции, в мае 1849 г. Н.

**) Это мнение, высказанное в письме от 16-го февраля было тогда подробнее развито в еще неизвестной, но ожидающей с другой стороны издания защитительной статье, о чем можно заключить по выдержкам в письме (Материалы, I, № 26) к адвокату Отто (17-го или 23-го марта). Оно положено в основу Исповеди (1851 г.). Сравнение с Дон-Кихотом беспокоило его тогда постоянно; так, еще в письме к своим от 1852 г. или вначале 1853 года — [„Потерявший кораблекрушение Дон-Кихота]. Материалы I, стр. 268. Он лучше всех знал недостаточность своих средств (1848—49 г.) по сравнению с громадностью цели

коны редко согласуются с историей и почти всегда отстают от нее. Поэтому-то на свете происходят и всегда будут происходить революции. Я действовал согласно своему искреннему убеждению и для себя не искал ничего. Я сел на мель, как многие, лучшие, до меня, но то, что я желал, не может погибнуть, не потому что я этого желал, а потому что то, чего я желал, необходимо, неизбежно. Рано или поздно, с большим или меньшим количеством жертв, оно вступит в свои права и осуществится. В этом мое утешение, моя сила, моя вера. — Дорогой друг, Вы мечтаете о царствии небесном на земле, Вы считаете, что довольно только слова, чтобы обратить мир, чтобы вести людей к человечности и свободе. Но откройте летописи истории и Вы увидите, что малейший прогресс человечества, каждый новый живой плод произошел из облитого человеческой кровью — и потому мы можем надеяться, что и наша тоже не пропадет совсем.

...Примирение *) невозможно, как между огнем и водой, которые вечно борются между собой и все же силой природы принуждены жить вместе — Я знаю, Вы ненавидите бури, но правы ли Вы? Вот вопрос. Бури в нравственном мире так же нужны, как и в природе: они очищают, они молодят духовную атмосферу; они развертывают дремлющие силы; они разрушают, подлежащее разрушению, и придают вечно живому новый неувядаемый блеск. В бурю легче дышится; только в борьбе узнаешь, что человек может, что он должен, — и, поистине, такая буря нужна была теперешнему миру, который был очень близок к тому, чтобы задохнуться в своем зачумленном воздухе. Но она далеко еще не прошла; я думаю, я твердо убежден, что пережитое нами является только слабым началом того, что еще наступит и будет долго, долго продолжаться... Час его (час „этого, так называемого цивилизованного мира") пробил; его теперешняя жизнь ничто иное, как последний смертный бой; — но не бойтесь, дорогой друг, за ним придет более молодой и прекрасный мир, жаль только, что я его не увижу, да и Вы тоже, потому что, как я сказал, борьба продлится долго и переживет нас обоих...

..Сейчас я нахожусь в положении пятнадцатилетней девочки, которая не смеет строчки написать без папиного и маминого просмотра; — не знаю, пропустят ли это письмо многочисленные папаши и мамаши, блюдущие теперь мою добродетель, — хочу наудачу сдать (им) его завтра...

(Рейхелю). 11 мая 1850 г.

...Не презирай, дорогой мой, свободу, какой бы отрицательной она тебе ни казалась, — она, как хлеб, который ешь каждый день и именно поэтому часто так мало ценишь, пока в нем не нуждаешься. То же применимо к обществу; надо прожить год в одиночном заключении и иметь перед собой, как я, еще безконечный ряд таких лет, чтобы вполне понять и почувствовать, насколько для счастья, для преуспевания, для нравственности каждого необходимо общение с людьми. Ибо в чем величайшая цель человеческой жизни? В гуманности. А развить ее в себе вне общества — то же, что выучиться плавать без воды. Даже общение с худшими людьми лучше, облагораживает больше, чем одиночество. Христиане, особенно протестанты *) думают, конечно, совсем иначе, но они то и есть великие враги и разрушители гуманности...

...Участь моя скоро решится, я не жду ни в коем случае ничего хорошего...

(Сестре Рейхеля). 11 мая 1850 г.

..Вообще у меня нет ни малейшего интереса к теории, ибо уже давно, а теперь больше, чем когда-либо, я почувствовал, что никакая теория, никакая готовая система, никакая написанная книга не спасет мира; я не держусь никакой системы, — я искренно ищущий — правда, теперь искания для меня несколько затруднены, ибо чтобы постигнуть или, вернее, уловить жизнь, надо прежде всего жить, а как я Вам раз писал, не верю я больше теоретическим умозрениям, тем паче умозрениям одиноким, равно как и вдохновению одиночной жизни; уж слишком в одиночестве бываешь склонен принимать призраки за духов. В будущем, если позволит мое еще очень неопределенное положение, я попытаюсь составить для Вас свое вероисповедание **).

и задним числом занимался самокритикой, в чем нет беды, потому что действовать непоколебимо во имя идеала, хотя бы и с очень слабыми силами, как раз и называется дон-кихотством, но оно то и есть основное условие позднейшего успеха. Н.

*) Между обоими лагерями реакции и революции.

*) Сравните с 7 апреля: „хотя я должен тебе сказать, что Пенсильванская система (одиночное заключение) гнуснейшая моральная пытка и могла быть изобретена только протестантами". Н.

**) 16-го апреля был окончательно произнесен смертный приговор; в начале июня он был „смягчен" и заменен пожизненной каторжной тюрьмой. 13-го июня в ночь Бакунин был перевезен в Австрию. В письме, которое он послал Рейхелю из Томска 15/27 декабря 1858 года он замечает: „Когда меня перевозили из Ольмюца в Россию (1851 г.), я взял с сопровождавшего меня офицера честное слово, что он пошлет тебе мой последний привет; исполнил ли он это?". В шестидесятых и семидесятых годах оба друга снова мно-

ПРИГОВОР АВСТРИЙСКОГО СУДА НАД БАКУНИНЫМ ПО ДЕЛУ ПРАЖСКОГО ВОССТАНИЯ

ПРИГОВОР

вынесенный военным судом в полном составе, созванным по предписанию его превосходительства господина генерал-майора императорской и королевской армии Иоганна Эдлер фон-Клейнберга, военного коменданта в Богемии, по соглашению с его превосходительством господином генералом от кавалерии и комендантом крепости в Ольмюце бароном фон-Беном, над подсудимым **единогласно.**

Михаил Бакунин, из Торжка Тверской губернии в России, родившийся в 1814 году, греческой церкви, холостой, расследованием, произведенным военно-судебным порядком вследствии об'явленного от 10 мая 1849 года в Праге и окресностях осадного положения, на основании законно установленных фактов и его признания, удовлетворяющего всем требованиям закона — уличен **в государственной измене против Австрийской Империи и за преступление** подлежит согласно § 32. 52, ст. 6 и 53 уголовного уложения от 3 сентября 1803 года ч. 1, смертной казни через повешение, а согласно § 537 того же закона и императорского декрета от 20 апреля 1809 № 888 I. G. S. обязуется совместно с другими лицами, признанными виновными по этому делу, возместить уголовному фонду все издержки по настоящему следствию.

Вынесен на военном суде в Ольмюце 15 мая 1851 года с сохранением судебных прав Верховной власти.

Франц Шульц фон-Штернвальд
подполковник императорской и королевской армии в качестве председателя.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

В судебном порядке — утвержден. В порядке помилования смертная казнь заменена пожизненным тяжким тюремным заключением.

Признан соответствующим и дословно тождественным с подлинником.

Императорского и королевского военного суда в Градчине, в Праге 14 июля 1851 года.

Иосиф Франц
майор и аудитор.

КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ „ИСПОВЕДИ" И „ПРОШЕНИЯ" М. БАКУНИНА

Когда стали доступными архивы царских учреждений, было обнаружено дело о М. Бакунине. Это дело содержало „Исповедь", о существовании которой все знали со слов Бакунина, но содержание и форма которой не были известны. „Исповедь" была подписана: **„кающийся грешник Михаил Бакунин".** Это дало повод марксистским-большевистским историкам, как В. Полонский и др., ставить Бакунина на колени и, в соответствии с этим, переписывать свои работы о нем.

Наивная радость отплатить анархистам за Маркса затемнила их глаза и они не увидели в „Исповеди" того, что должно в ней видеть: смелое выступление жертвы против палача, проникнутое от начала до конца тонкой издевкой и иронией. Даже сама подпись, — „кающийся грешник" — сопоставленная со всем содержанием „Исповеди", звучит острой иронией, насмешкой над всесильным Николаем I-ым, являвшимся хозяином Европы. В „Прошении" к Александру II-му этого уже нельзя усмотреть и оно производит, взятое само по себе, удручающее впечатление:

Бакунин расскаивается!

Заскрипели на этот мотив марксистские перья. Но не надолго. Скоро пришлось В. Полонскому и др. снова переписывать свои работы о Бакунине и поднять его с колен.

В 1925 году А. А. Корнилов опубликовал вторую книгу „Семейство Бакуниных: „Годы странствований Михаила Бакунина" (Первая — „Молодые годы Михаила Бакунина"), в которой опубликовал приводимые ниже письма Бакунина из Петропавловской крепости, тайно переданные им сестре Татьяне на свидании.

Эти письма вполне раз'ясняют казалось неразрешимый вопрос „Исповеди" и „Прошения".

Бакунин, как только попал в руки Николая I-го, начал строить планы своего освобождения из этих рук, в интересах продолжения революционной деятельности. И эти два документа — „Исповедь" и „Прошение" —являются, как показывают нижепечатаемые письма, составными элементами задуманного плана освобождения. По всему видно, что Бакунин страшно не хотел писать „Прошения", поэтому, прежде чем писать его, он старался через своих родных, которыми руководил из крепости, использовать сперва все имеющиеся косвенные возможности. Когда все было исчерпано, он взялся за перо и написал „Прошение". Письма ясно указывают, что Бакунин не разочаровал-

---

го раз виделись в Берне вплоть до смертной болезни и смертного часа Бакунина, когда около него были его старые друзья Рейхель и Адольф Фогт.

Н.

ся, не изменил своим убеждениям, наоборот, окреп в них и горел жаждой их применения в жизни, горел желанием скрестить шпаги со всеми угнетателями трудового народа всех стран. Во имя этого и только во имя этого, он решил, путем личного „унижения", приобрести личную свободу. Кто может за это бросить камнем в Бакунина или упрекнуть его?

Какая это мораль, которая требует, что бы отпущенный на честное слово карась вернулся на сковороду? Раб, считающий позором обмануть бдительность своего господина, чтобы освободить себя, не человек, а только раб. Бакунин никогда не был рабом, наоборот , вся его жизнь была борьбой за пробуждение человека в рабе.

Г. Максимов.

Мои дорогие друзья, я знаю, как ужасна опасность, которой подвергаю вас тем, что пишу это письмо. И все-таки я пишу его. Отсюда вы можете заключить, как велика для меня необходимость об'ясниться с вами и сказать хотя еще один раз,—без сомнения, последний в моей жизни, — свободно, без принуждения все то, что я чувствую и что думаю. В первый еще раз — но также это будет и в последний — я вас заставлю испытать этот риск. Это письмо — моя высшая (supreme) и последняя попытка связаться с жизнью. Раз мое положение будет как следует выяснено, **я буду знать, должен ли я еще ждать в надежде быть еще полезным согласно убеждениям, какие я имел, согласно убеждениям, какие я еще имею и какие всегда будут моими, — или я должен умереть** *).

Не обвиняйте меня ни в нетерпении, ни в слабости, — это было бы несправедливо. Спросите лучше своего превосходного капитана — теперь майора — он Вам повторит то, что он часто мне говорил: что редко он видел узника такого благоразумного, такого мужественного, как я. Я всегда в хорошем настроении, я всегда смеюсь, — а между тем, двадцать раз в день я хотел бы умереть, настолько жизнь для меня стала тяжела. Я чувствую, что силы мои ослабевают. Дух мой еще крепок, но тело мое слабеет. Неподвижность, вынужденное бездействие, отсутствие воздуха и особенно жестокое внутреннее мучение, которое только узник, одинокий, как я, мог бы понять, и которое не дает мне покоя, — все это развило во мне зачатки хронической болезни, которую я, не будучи врачом, не могу определить, но которая каждый день заставляет меня чувствовать себя самым неприятным образом. Это, я думаю, гемморой, осложненный чем-то другим, мне неизвестным.

Головные боли совсем не покидают меня больше; кровь моя бурлит и бросается мне в грудь и в голову и душит меня до того, что я целыми часами задыхаюсь, и всегда в ушах у меня такой шум, какой производит кипящая вода. Два раза в день у меня неизбежно жар: до полудня и вечером, в продолжении всего остального дня меня мучит внутреннее недомогание, которое сжигает мое тело, туманит мне голову и, кажется, хочет меня медленно всего проглотить.

Впрочем, Вы меня увидите. Ты меня найдешь очень изменившимся, Татьяна, даже с того, последнего раза, когда мы с тобой виделись. Только один раз я имел случай посмотреть на себя в зеркало и нашел себя ужасно безобразным. Что касается до этого, то это мало беспокоит меня. Я давно уже отказался от того, что старики, как я, называют тщеславием, от того, что молодые называют — в тысячу раз более справедливо — самою сущностью жизни. Для меня остался только один интерес, один предмет поклонения и веры. — вы его назвали — и если я не могу жить для него, — я не хочу жить совсем. Мне мало дела до моего безобразия, а также и до этой болезни, если б только она захотела унести меня поскорей. Я не желал бы ничего лучшего, как поскорее исчезнуть вместе с нею, но медленно ползти к могиле, по дороге глупея, — вот, на что я не могу согласиться. Мое нравственное состояние держится еще; моя голова ясна, несмотря на все боли, которые ее постоянно осаждают. Воля моя, я надеюсь, никогда не сломится; сердце мое кажется каменным — и это правда; но дайте мне возможность действовать, и оно выдержит.

Никогда, мне кажется, у меня не было столько мыслей, никогда я не чувствовал такой пламенной жажды движения и деятельности. Не совсем же я мертв еще; но эта самая жизнь духа, которая сосредоточившись в себе, сделалась более глубокой, более могущественной, может быть, более желающей проявить себя, — становится для меня неисчерпаемым источнком страданий, которые я не пытаюсь даже описать.

Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе ежеминутно, как ночью, так и днем: я раб, я уничтожен, сделан бес-

*) Все подчеркнутое — подчеркнутое нами. Г. М.

вопросы — и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым. Быть богатым мыслями, по крайней мере часть которых могла бы быть полезной — и не быть в состоянии осуществить ни одной. Чувствовать любовь в сердце — да, любовь, несмотря на эту внешнюю окаменелость — и не быть в состоянии излить ее на что-нибудь или на кого-нибудь. Наконец, **чувствовать себя таким полным самоотвержения и даже героизма, для того, чтобы служить идее, тысячу раз святой, — и видеть как все эти стремления разбиваются о четыре голые стены, единственные мои свидетели, единственные мои повернные! Вот моя жизнь! И все это еще ничего в сравнении с другой, еще более ужасной мыслью.** Это — идиотизм, который неизбежно является результатом подобного существования. Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько лет Вы увидите, что сам Наполеон сделается тупоумным, а сам Иисус Христос сделается злым. Мне же, который не так велик, как Наполеон, не так бесконечно добр, как Христос, понадобится гораздо менее времени, чтобы совершенно отупеть. Не правда ли, приятная перспектива? Я в обладании еще и думаю, что не льщу себе — я в обладании еще всеми своими умственными и нравственными способностями, но я знаю, что это не может продолжаться долго. Мои физичские силы уже очень сломаны; очередь моих нравственных сил не замедлит прийти. Вы поймете, надеюсь, что хотя немного уважающий себя человек должен предпочесть самую ужасную смерть этой медленной и позорной агонии. Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого уединения, столь восхваляемого американскими филантропами. Зачем я так долго ждал? Эх, кто это скажет! Вы не знаете, насколько надежда стойка в сердце человека. Какая? — спросите Вы меня. — **Надежда снова начать то, что привело меня сюда, только с большей выдержкой и с большей предусмотрительностью, может быть. Ибо тюрьма по крайней мере тем хороша для меня, что она дала мне досуг и привычку размышлять. Она, можно сказать, укрепила мой разум, но она нисколько не изменила моих прежних убеждений. Она сделала их, наоборот, более пламенными, более решительными, более безусловными, чем прежде, и отныне все, что остается мне в жизни, заключается в одном слове — свобода".**

**
*

В следующем листке, переданном в то-же свидание, Бакунин писал:

Догорая Татьяна, останься, прошу тебя, в Петербурге так долго, как только можешь, и постарайся видеть меня так часто, как только это возможно. Майор (бывший капитан, который продолжает превосходно относиться ко мне) мне сказал, что будет всецело зависеть от тебя видеть меня пять раз, если ты останешься две недели, и больше, если ты останешься дольше. — Правда, что по закону, как говорят здесь, разрешается только одно свидание каждые две недели, но закон этот действителен только для жителей Петербурга, которые могут иметь 26 свиданий в год. Все зависит от генерала. Майор обещал мне доложить ему дело в нашу пользу, когда он будет ему докладывать, что будет сейчас же, как только ты подашь генералу твое прошение. Генерал добр. Отложи же, пожалуйста, в сторону всякую церемонию и всякую застенчивость и скажи, напомни ему, что прошло уже больше года с половиной со времени вашего последнего свидания, и что пройдет, без сомнения, еще столько же времени, прежде чем ты приедешь снова видеться со мною. Если ты слишком застенчива и провинциальна, чтобы сделать это сама, попроси Лизавету Ивановну переговорить с генералом вместо себя. Но не говори ей ничего об этом письме, так как письмо это есть преступление против Величества. Что же касается меня, то я надеюсь, что это будет наше последнее свидание, — или я буду скоро свободен или умру. Вот почему я прошу тебя пожертвовать несколькими днями. Необходимо, чтобы ты помогла мне выяснить наше положение.

Милая моя Татьяна, у меня нет в России других друзей, кроме тебя и брата Николая. Все другие меня забыли, что касается Вас двоих, то я надеюсь, что Вы еще немного любите меня — по воспоминаниям. Но вы впали в плачевную апатию и совершенно христианское смирение. Вы сделали, наверное, несколько попыток, но Вы испугались первой же неудачи и теперь Вы возложили всю надежду только на Бога. Но я не христианин и не смиряюсь. Я сумею умереть, если будет нужно: смерть для меня будет счастьем и освобождением, **но прежде я должен увериться в том, что всякая надежда выйти отсюда потеряна для меня. Ибо я чувствую в себе еще силу служить моим убеждениям и моим идеям.** — Я тебе написал уже длинное письмо, но я его уничтожил, исключая первого листка, который тебе дает понятие о моем теперешнем положении. Остальное я тебе дам при нашем втором свидании.

ОТЕЦ БАКУНИНА В 1824 Г.

Как Вы, дорогие мои друзья, не подумали о том, что иметь книги, много книг, было бы громадным утешением и необходимой поддержкой в моем ужасном одиночестве, — это тоже самое, что иметь в Петербурге какого-нибудь умного, симпатичного человека, который мог бы, без опасности для себя, ввести меня в соременную мировую жизнь. О, в глубине моего сердца я часто и ужасно роптал на вас.

Но все это я об'ясню Вам в моем следующем письме.

**
*

Третий листок, переданный в следующем свидании написан уже по-руски.

ТАТЬЯНА
любимая сестра
Бакунина.

Моя милая девочка, я эгоист, все говорил только о себе, а ты больна, ты измучена, и слова мои и письмо мое встревожат и замучают тебя совершенно. Милая девочка, сделаем условие, что ни ты, ни Павел не будете спать более, что не испугаетесь первых неудач, но не предаваясь излишней и болезненной боязненной хлопотливости, не муча себя разными мыслями, не оставите неиспытанными ни одного средства, не потеряете ни одного случая, который мог бы служить нам. Я же со своей стороны, чувствуя, что мое милое премухинское провидение перестало спать, надеясь на тебя, Татьяна, надеясь теперь опять на Павла, как на каменную гору — обещаю Вам ждать спокойно, в уверенности, что когда либо об'яснится совершенно. Вы сами скажете мне правду и дадите средства покончить с собою. — но еще раз, я буду терпелив — мне теперь будет легче терпеть — я вас опять видел, и Вы опять согрели меня. — Я тебя больше души моей люблю, Татьяна. И тебя, Павел, люблю всею старою любовью.

М. Б.

Татьяна, взамен своего обещания я требую от тебя торжественно другого — пусть Павел свезет тебя к умному доктору. Кроме этого, я обещаю Вам, **если меня выпустят, пока отец жив, оставаться в спокойствии и ничего не предпринимать не православного.**

Моя милая Татьяна, хотелось бы мне сказать тебе еще что нибудь, чтобы оживить тебя. — Я люблю тебя, я глубоко, глубоко люблю и уважаю тебя. Я несколько ревновал к твоему сыну, — пусть пока я здесь, я буду твоим сыном и потому приезжай опять поскорее. А Павел покамест ознакомится с Петербургом и узнает все пути к властям и влиятельным людям.

Наследник может быть весьма хорошим средством и также может быть и гордо-чувствительная Марья Николаевна. Пусть бы мне только позволили написать письмо к Орлову, — постарайтесь об этом, друзья; — да, я непременно должен написать письмо к графу Орлову, — лишь бы он только на это согласился. —

Ce la l'engage a rien—quant a moi je serai alors presque certain du succes *).

Нельзя ли это устроить через Александра Максимовича,

МАТЬ БАКУНИНА.

из'яснив ему мое положение, что я гнию здесь понапрасну,—а могу сделать еще себя полезным. Через несколько же врмени будет уж поздно.

Ты, Павел, хоть и философ, ты все таки мой.

***

После этого свидания, ранней весной 1854 года, Бакунина перевезли в Шлиссельбургскую крепость.

Хлопоты об освобождении М. Бакунина не приостанавливались и по всм данным выходит, что этими хлопотами руководил из крепости сам Мишель. Когда все было испробовано и неудачно, М. Бакунин решил использовать последнее средство: написать прошение Александру II-му. Письмо было написано и подписано: „молящий преступник Михаил Бакунин". Александр II наложил резолюцию: „Другого для него исхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение".

5-го марта 1857 года Бакунин был выпущен из крепости, а 27 марта он уже был в Омске. В 1861 году Бакунин бежал и в конце этого года приехал в Лондон к Герцену и Огареву и начал снова революционную деятельность, которая, мало по малу, привела его к революционному анархизму и с 1868 года он стал вполне сформировавшимся, законченным анархистом.

Г. М.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС

(Выписка)

В 1923 г. редакция „Анархического Вестника" обратилась к т. М. Неттлау с просьбой принять участие в журнале и снабжать последний, если это возможно, разного рода материалами, касающимися личности, деятельности и идей М. Бакунина. Неттлау предоставил редакции чрезвычайно интересный документ: „Программа Общества Международной Революции", написанный Бакуниным по-французски и не оконченный. Этот документ был переведен т. Волиным и напечатан в двух книжках „Анархического Вестника" (№ 5—6, ноябрь-декабрь, 1923, и № 7, май, 1924, Берлин). Одновременно с этим т. М. Неттлау прислал выписку из „Революционного Катехизиса", предлагая восполнить ею неоконченную „Программу Общества Международной Революции". Но в виду того, что издание „АВ.", было приостановлено, эта выписка осталась ненапечатанной. Копию этой выписки я получил от т. Волина, в его переводе, которую ныне и печатаю.

Эта выписка из „Революционного Катехизиса" никак не может восполнить неоконченную „Программу Общества Международной Революции", потому что она, в сравнении с последней, является гораздо более слабой и анархически недостаточно зрелой. „Революционный Катехизис" является документом, выражающим период приближения Бакунина к анархизму, тогда как „Программа" есть плод анархически вполне созревшего ума, очень стройная, сильная, глубокая и в литературном отношении превосходная. „Революционный Катехизис" — приближение к анархизму, „Программа" — итоги анархических воззрений Бакунина, как бы попытка приведения их в систему.

Г. Максимов.

***

Я предлагал бы восполнить эту отрывочную программу, ("Программа Общества Международной Революции" Г.М.), вставив в нее выписку из „Революционного Катехизиса" 1866 года, доселе неизданного, (если не считать тех мест, которые я воспроизвел в моей „Биографии Бакунина", стр. 221—232), в частности следующее:

М. Неттлау.

***

Резюме основных начал „Революционного Катехизиса".

(Стр. 47—53 копии, снятой с этого документа З. С. Оболенской).

а.— Отрицание Бога.

б.—Уважение к человечности призвано заменить собою культ Божества. Человеческий разум признается единственным критерием истины; человеческая совесть, как основа справедливости, и индивидуальная и коллективная свобода, как источник и единственная основа порядка среди людей.

в.—Свобода каждого осуществима только при равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве есть справедливость,

г.—Решительное исключение принципа власти и „государственных соображений". Свобода должна быть единственным осно-

Примечание к стр. 24.

*) Это ни к чему не обязывает, — что же касается меня, то я тогда почти уверен в успехе.

вным принципом общественной организации, политической или экономической. Общественный порядок должен быть результатом возможно обширнейшего развития всех отдельных свобод, коллективных и индивидуальных. Следовательно, всякая организация, политическая так-же как экономическая должна исходить не так, как ныне от центра к окружность и сверху вниз, на основании принципа единства, а, наоборот, снизу вверх и от окружности к средоточию, на основании принципа вольной ассоциации и федерации.

д. — политическая организация. Уничтожение всякой официальной церкви, оплачиваемой и поддерживаемой государством. Полная свобода совести и культа, с неограниченным правом для всех воздвигать какие угодно храмы и оплачивать священнослужителей. Полная свобода религиозных союзов, которые не смогут, впрочем, пользоваться никакими политическими или гражданскими правами и заниматься воспитанием детей. Уничтожение и банкротство централизующего и опекающего государства. — Полнейшая свобода личности, с признанием политических прав лишь за теми, кто живет своим трудом, при условии уважения к чужой свободе. Всеобщее избирательное право, неограниченная свобода печати, слова, речей и собраний, публичных и частных. Полнейшая свобода союзов, впрочем, с юридическим признанием тех лишь из них, которые по своим задачам и внутреннему строю не встанут в противоречие с руководящими основами общества. Полнейшая автономия общины, с правом управления и даже внутреннего законодательства с тем, чтобы согласовывать эти постановления с руководящими принципами, которые послужат основанием для областной конституции, буде общины пожелают принять участие в федерации и пользоваться областными гарантиями. Область не может быть ничем иным, как федерацией общины. — Автономия области по отношению к нации с правом самоуправления и внутреннего законодательства с тем, чтобы согласовывать их с руководящими основами национальной конституции, буде область пожелает принять участие в федерации и пользоваться национальными гарантиями.

Нация не может быть ничем иным, как федерацией областей, которые свободно пожелают в ней участвовать, с обязательством уважать автономию каждой из них, но с правом все-же требовать, чтобы конституция и особое законодательство каждой из этих областей, желающей принять участие в федерации и пользоваться национальными гарантиями были согласованы в основных статьях с национальной конституцией и законодательством, и что бы во всех делах, касающихся либо взаимоотношений областей между собою, либо общих интересов нации в целом, каждая область выполняла постановления, принятые национальным парламентом, и провозглашенные национальным управлением; а также, чтобы каждая область подчинялась решениям национального трибунала, с правом обжалования перед трибуналом интернациональным, как скоро таковой будет создан. В случае отказа в повиновении по одному из упомянутых трех пунктов, область будет об'явлена вне закона и всенародной солидарности, в случае же нападения с ее стороны, учиненного против одной из федеративных областей, она будет приведена в норму национальной армией.

Отмена всех, так называемых исторических прав завоевания и всякой политики округления, увеличения, славы и внешней мощи государства. Благоденствие как и свобода всех народов солидарны между собою и каждый из них должен искать свою мощь в свободе. Национальная независимость есть право народа, столь же неот'емлимое как и у индивидов, и с этой точки зрения оно священно, а не как не в силу исторических оснований. Из того, что какая-либо страна была соединена в течение веков с другой, хотя бы и против воли, нисколько не следует, что эта связь должна повторяться и впредь, опять-таки вопреки желанию одной из сторон: прошлые поколения отнюдь не вправе связывать свободу поколений нынешних и грядущих. Итак, каждый народ, каждая область, каждая община будут иметь право располагать своей судьбой по собственному усмотрению, отходить друг от друга, прекращать прошлые и настоящие союзы и заключать новые, и никакая другая страна не будет иметь права или интереса препятствовать им в этом. Всякое насильственное нарушение этой свободы будет подавляться национальной федерацией, как целым, ибо всякое покушение на свободу какой-либо страны является оскорблением, угрозой и даже покушением, хотя и не прямым, направленным против свободы всех народов. Одним словом, международная федерация и революционная солидарность свободных народов против реакционной коалиции стран, пребывающих пока в состоянии рабства.

е. — Общественная организация. Равенство политическое невозможно без равенства экономического. Экономическое равенство и социальная справедливость будут невозможны до тех пор, пока организация общества не будет поставлена так, что для каждого человеческого индивида, вступающего в жизнь, будет осуще-

ственно полнейшее равноправие в исходной точке, состоящее в равенстве средств содержания, воспитания, обучения, а впоследствии и возможности применения различных сил и способностей, которыми природа наделила каждого из людей — Уничтожение наследственных прав. Один только фонд общественного воспитания будет вправе наследовать, ибо на его обязанности будет лежать содержание, надзор, все воспитание и обучение детей с момента их рождения вплоть до совершеннолетия. — В виду того, что единственным источником богатства является труд, всякий человек обязан будет работать, чтобы жить, в противном случае он будет рассматриваться как вор. — Разумный и свободный труд, — основа человеческого достоинства и всех политических прав, и индивидуальный труд каждый день теснее сливается в труде об'единенном. — Земля, которая представляет собою всеобщее достояние, будет принадлежать тем, кто ее станет обрабатывать. — Уравнение женщины с мужчиной во всех политических и общественных правах.—Уничтожение законной семьи, основанной на гражданском праве и на началах собственности. Свободный брак. Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу. —Верховная опека над детьми, над их воспитанием и обучением, принадлежит обществу. — Школа заменяет собою церковь —Целью ее является создание свободного человечества. Уничтожение тюрем и палачей. — Уважение к старикам, инвалидам и больным и забота о них.

***

За вкратце изложенной в предыдущей части „Революционного Катехизиса" (стр. 1—46) следует еще заключительная часть его (стр. 53—56), резюме которой не составлено. Приводим ее здесь.

***

12.—Революционная политика.

Наше основное убеждение состоит в том, что так как все национальные свободы солидарны между собою, то и революции в отдельных странах также солидарны; что впредь в Европе, как и во всем остальном цивилизованном мире, не будет более частных революций, а будет одна только всемирная революция, подобно тому, как ныне существует одна только мировая и Европейская реакция; что, следовательно, все частные интересы, притязания, претензии, национальное соревнование и взаимная враждебность должны отныне слиться в едином, общем и всемирном интересе революции, которая обеспечит свободу и независимость каждого народа путем общей солидарности их всех между собою. Священный союз мировой реакции и заговор королей, духовенства, дворянства и феодальной буржуазии, опирающийся на огромные бюджеты, на постоянные войска, на могущественную бюрократию, вооруженный всеми страшными средствами, которыми он располагает, благодаря современной централизации, соединенной с навыками и т. ск., с рутиной действия и с правом конспирировать и предпринимать что угодно на законном основании, — все это предоставляет собою факт огромного значения, подавляющий и угрожающий; и для того, чтобы бороться с ним, чтобы противопоставить ему факт того же значения, чтобы победить и уничтожить его, потребуется никак не меньше. чем соединенное революционное воздействие, при том одновременное, всех народов цивилизованного мира. Против этой мировой реакции бессильной должна будет оказаться революция всякого отдельного народа, в частности, следовательно, она означала-бы безумие, была бы по отношению к нему ошибкой, а по отношению ко всем остальным народам изменой и преступлением. Впредь каждый народ должен будет восставать, имея в виду не только самого себя,но и во имя всего остального мира. Для того, однако, чтобы отдельный народ мог восстать, имея в виду весь остальной мир и во имя его, необходимо, чтобы у него была и программа мировая, достаточно широкая, достаточно глубокая, достаточно истинная, достаточно человечная, чтобы обнять интересы всего мира, чтобы наэлектризовать страсти всех народных масс Европы без различия национальностей. Подобной программой может оказаться одна только программа революции народной и социальной.

а.—Задача социальной и народной революции может быть определена в двух словах: политически она означает отмену исторических прав захвата и дипломатии. Это — полное освобождение отдельных личностей и об'единений от гнета человеческих и божественных понятий о власти, это полное уничтожение всех союзов и вынужденных ассоциаций, общин, областей и стран, завоеванных государством. наконец, это еще означает коренное разложение централистского государства, опекающего, властнического, со всеми его военными, бюрократическими, правительственными, административными, судебными и гражданскими установлениями. Одним словом, — это свобода, возвращенная всем без исключения, отдельным личностям так-же как и всем коллективам, ассоциациям, общинам, областям, странам и народам, и основанное на взаимности обеспечении этой свободы посредством федерации.

В смысле общественном, это — подтверждение равенства политического пу-

тем равенства экономического. В начале жизненного пути каждого человека — это равенство в отправной точке, равенство не естественное, но социальное, существующее для всех без исключения, т. е. равенство в средствах существования, в воспитании и образовании, простирающееся на всех детей и подростков обоего пола вплоть до их совершеннолетия.

ТАЙНА ЖИЗНИ.

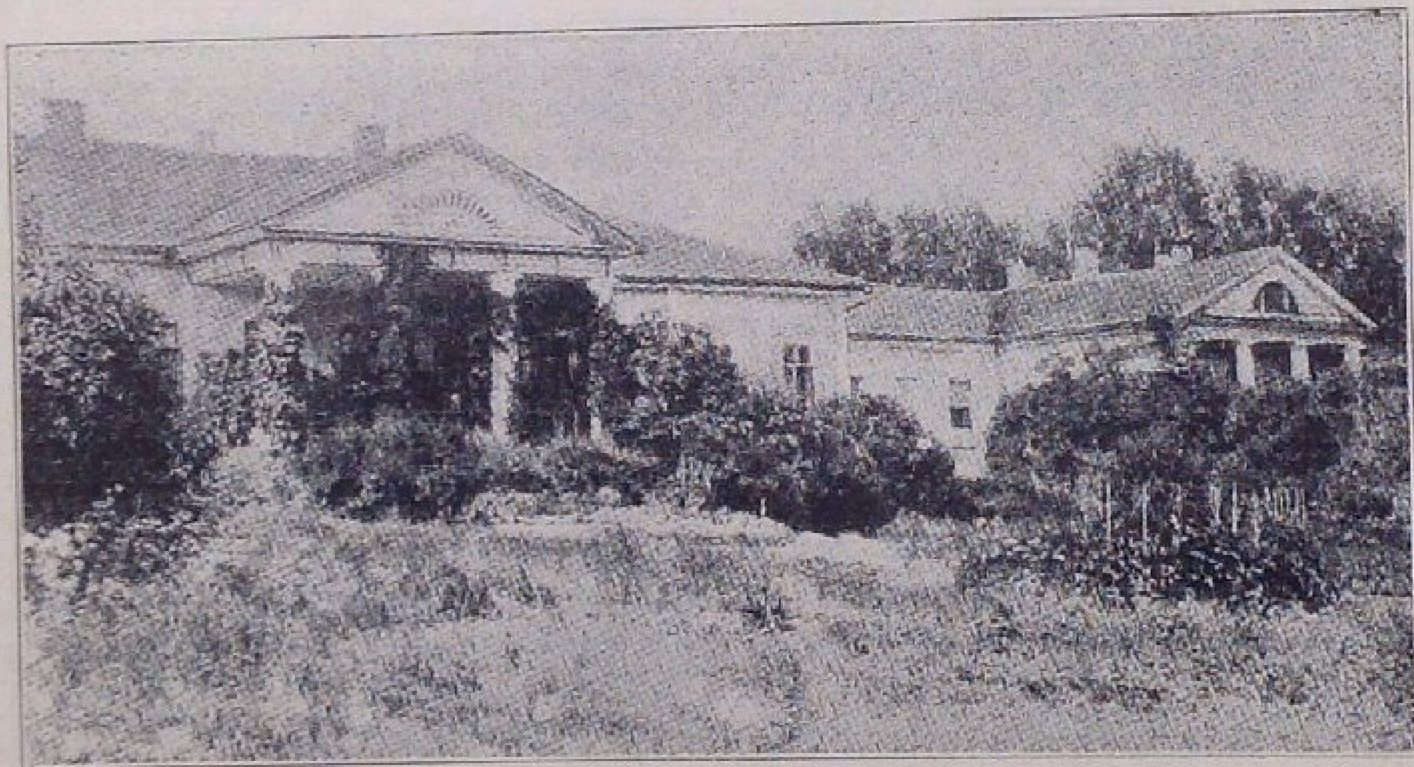
Быть свободным и освобождать других — вот тайна жизни. Женщины призваны к этому совершенно так же, как и мужчины, и вопреки всеобщему мнению, отводящему женщинам только подчиненное положение и деятельность, мне хотелось бы сказать, что они призваны к этому даже больше мужчин; потому что их жизнь и деятельность не абстрактны и односторонни, а полны жизненности, которая нуждается в вольном воздухе, чтобы развернуться во всей своей красоте, и потому еще, что они обладают гораздо большим чем мужчины пониманием и чутьем несчастья и унижений ближних. Я давно уже об этом догадывался, а с тех пор, как знаю Вас, догадка обратилась в уверенность. Дорогой друг, в течении короткого времени мне дано было счастье работать вместе с Вами и стремиться к общей цели; я знаю, что Ваша жизнь в будущем будет отмечена прекрасной и благородной освободительной работой, и я прошу Вас только думать обо мне при всяком новом шаге к свободе. Тогда я буду уверен, что Вы меня никогда не забудете.

М. Б.

Париж 1845—24 апрель.

Эта запись сделана М. А. Бакуниным в альбом Софьи Мельгуновой (урожд. Каннерман.

Прим. Ред. „На Чужой Стороне".

ПРЕМУХИНСКИЙ ДОМ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ БАКУНИН.

СИМВОЛ ВЕРЫ М. А. БАКУНИНА

(Из „Парижская Коммуна и понятие о государственности").

Я — страстный искатель истины и не менее ожесточенный враг зловредных вымыслов, которыми и до ныне пользуется партия порядка, этот официальнй представитель привилегированного меньшинства, в интересах которого отстаивать все религиозные, метафизические, политические, юридические, экономческие и социальные гнусности, настоящие и прошедшие, имеющие целью — держать людей в невежестве и рабстве. Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться и процветать ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное, как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистической, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж. Ж. Руссо, и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, — что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида.

Нет я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, представляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному отсутствию ограничений, так как эти законы не изданы каким либо законодателем вне нас, рядом с нами или превыше нас стоящим; они нам присущи, неотделимы от нас, составляют самую основу нашего существа, как материального, так и интеллектуально-морального; вместо того, чтобы извращать их, мы должны их рассматривать, как необходимые условия и настоящую, действительную причину нашего стремления к свободе.

Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение со свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида, не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу, восторжествовавшую над грубой силой и над самым принципом авторитета — неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру, — миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств.

Я убежденный сторонник экономического социального равенства, так как я знаю, что вне этого равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц так же, как и процветание целых наций, — есть ложь. Притом, будучи приверженцем, свободы, этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путем добровольной организации труда и коллективной собственности, путем промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной же федерации коммун, — но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства.

Это тот пункт, в котором принципиально расходятся социалисты-коммунисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства, с федералистами и коллективистами. У них одна цель: и та и другая партия одинаково стремятся к созданию нового социального строя, основанного исключительно на коллективном труде, самою силою вещей равномерно распределенном между всеми без исключения членами общества, при равных для всех экономических условиях, т. е. при условии коллективной собственности на орудия труда. Только социалисты-коммунисты воображают, что они смогут придти к этому путем развития и организации политического могущества рабочих классов, в особенности городского пролетариата, рука об руку с буржуазным радикализмом, между тем, как коллективисты-федералисты, враги всякого смешения и всякого двусмысленного союзничества, думают, наоборот, что они достигнут этой цели путем развития и организации не политического, но социального, следовательно, анти-политического могущества рабочих масс, как городских, так и сельских, включая сюда также и людей, хотя и принадлежащих по рождению к высшим классам, но добровольно порвавших со всем своим прошедшим и открыто присоединившихся к пролетариату, приняв его программу.

Отсюда два различных метода. Социа-

листы-коммунисты думают, что нужно сорганизовать силы рабочих, чтобы овладеть политическим могуществом государств. Социалисты-федералисты организуются, имея целью уничтожение, или, если хотите более мягкое выражение, ликвидацию государства. Коммунисты — сторонники принципа и применения авторитета, социалисты-же федералисты верят только в свободу. Те и другие — равно поклонники науки, долженствующей убить суеверие и заменить собою веру; но при этом первые находят возможным уничтожить предрассудки и насаждать знание посредством декрета, между тем, как вторые непосредственно заботятся о распространении наук, из сокровищницы которых каждый черпает то, к чему чувствует склонность, пропагандируют добровольную и свободную организацию в группы и федерации, опять таки в полном согласии с природными склонностями и насущными нтересами, но отнюдь не по заранее начертанному плану, предписанному невежественым массам несколькими высшими умами.

Социалисты-коммунисты думают, что в инстинктивных стремлениях и в реальных нуждах народных масс гораздо больше осмысленного и практичного разума, чем в глубоком уме всех этих благодетелей и учителей человечества, все-же имея перед собой печальный пример стольких неудавшихся попыток — сделать человечество счастливым, мечтают еще о возможности вложить в это дело свои усилия. Социалисты же федералисты думают, наоборот, что человечество достаточно долго, даже слишком долго позволяло управлять собой, и что источник его несчастья заключается не в той или ной форме правления, а в самом принципе и существовании правительства, каково бы оно ни было.

Это разногласие, между коммунистами, научно изложенным немецкой школой и американскими социалистами, с одной стороны, и прудонизмом, широко развитым и доведенным до последних выводов, принятым пролетариатом латинских стран, — с другой, стало под конец историческим. Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в Парижской Коммуне.

ТЕРОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Террор в России продолжается. В течении всего времени существования большевистского режима, он фактически никогда не приостанавливался; он лишь временами затихал, не принимая сенсационных форм, но убийства в застенках производились непрерывно; тюрьмы и места ссылки методически заполнялись социалистами, анархистами и строптивыми рабочими и крестьянами. Издевательства и измывательства над политическими, рабочими и крестьянами, ведены в систему, стали обычным явлением и не трогают больше никого: все привыкли к безчеловечности и устали возмущаться... Знамение времени... Крики жертв никого не трогают, и палачей никто не остнавливает. Нужны сверх-сенсационные террористические злодеяния, чтобы слегка подогреть интерес мирового общественного мнения к жертве, к гуманности, к человеческим правам, которые уже давно никем не уважаются во всем мире и попираются с разной степенью грубости и решительности. Да и этот слегка подогретый интерес в большинстве случаев вызывается или простым любопытством, либо эгоистическими политическими и классовыми соображениями. Мировое общественное мнение привыкло к острым террористическим блюдам, к очень острым, ему подавай нечто в роде расстрела головки Красной Армии во главе с Тухачевским, нечто в роде процессов Зиновьева-Каменева, Пятакова-Радека, Бухарина-Рыкова-Ягоды с сногшибательными признаниями и расстрелами, казни простых смертных, а не высокопоставленных особ, простых политических противников большевиков как из среды самой партии большевиков, так из среды социалистов и анархистов, из среды рабочих и крестьян его абсолютно уже не трогают. А между тем, большевики методически уничтожают политических заключенных, которые находятся в их плену долгие годы, многие двадцать лет. Делается всевозможное, чтобы ускорить их вымирание. Надломленные организмы заключенных и ссыльных не выдерживают полуголодной и антисанитарной жизни — начинают вымирать: Ротдаев умер на улице Ташкента от истощения, профессор Боровой в вятской ссылке, юноша Александр Наумов от чахотки, болезни все чаще и чаще губят ссыльных и заключенных; нередки самоубийства. Но этот процесс вымирания большевикам кажется недостаточно быстрым. Они ускоряют его приостановкой всякой материальной помощи из заграницы. Жестоким преследованием невинной переписки с заграничными организациями помощи, они почти совершенно приостановили эту помощь. Но этого для них мало, в прошлом году они распустили Политический Красный Крест, воглаве которого с царских времен стояла Пешкова, бывшая жена Горького. С роспуском этого Красного Креста заключенные и ссыльные лишаются всякой материальной поддержки со стороны и должны удовлетворяться казенным пайком. Но несмотря на все это, процесс вымирания политических заключенных, повидимому, не идет желательным для большевиков темпом и они начали их **РАССТРЕЛИВАТЬ.** Я не имею документальных данных, подтверждающих последнее, но целый ряд фактов заставляет думать, что большевики, да **РАССТРЕЛИВАЮТ** политических заключенных.

Во время последнего Московского Процесса — Бухарина-Рыкова-Ягоды — было об'явлено о предстоящем процессе Яковлевой-Манцева и др. К этому предполагавшемуся процессу привлекались уже и не коммунисты: левые эс-эры. Камков, например, и правые эс-эры. Если в центре к крупным коммунистическим процессам стали примешивать и лидеров социалистических партий, то почему не допустить, что к бесчисленным „мелким процессам" в Сибири не привлекали политических заключенных и ссыльных из рядовых социалистов и анархистов и не расстреливали их вместе с коммунистической оппозицией, как „вредителей", „японских шпионов", подлых троцкистов и бухаринцев"? Ведь имен расстрелянных не опубликовывали.

Скажут, это невозможно! Пожалуй, я согласился бы с этим, если бы не такой факт. Аарон Барон, арестованный в Харькове в 1920 году и с тех пор перебрасывавшийся по всей России из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку, из „минуса" в „минус", из ссылки в тюрьму, из тюрьмы в ссылку, из ссылки в „минус", из минуса опять в тюрьму и так без конца в течении всех лет до 1937 года. В 1937 году А. Барон, находившийся в ссылке в Тобольске, был арестован и с тех пор судьба его неизвестна. Все попытки установить его местопребывание до сих пор терпели неудачу. И до сих пор никто не знает, где Барон и что с ним сделали большевики. Невольно приходишь к мысли, что Барон расстрелян.

Исчезновению Аарона Барона предшествовал следующий факт. В конце 1936 года испанская Национальная Конфедерация Труда, возлагавшя большие надежды на помощь Сталина в борьбе с Франко, от-

правила в Москву делегацию. Эта делегация имела в руках длинный список заключенных и ссыльных анархистов. Делегация просила отпустить заключенных и ссыльных анархистов, если они пожелают, в Испанию, где они будут полезны в борьбе против Франко. Ясно, во главе списка находился Барон и он первый исчез после от"езда испанской делегации. Принимая во внимание созданную большевиками обстановку для политических заключенных и ссыльных, мы, хотя и не имеем документальных данных, имеем все основания предполагать, что политических расстреливают втихомолку. Необходимо, чтобы Международное Товарищество Рабочих вошло в сношение с Амстердамской Международной Федерацией Профессиональных Союзов и с Рабочим Социалистическим Интернационалом на предмет совместного действия по выяснению участи и положения русских политических заключенных и ссыльных.

КУСОЧКИ КРОВАВОЙ ХРОНИКИ

Террор в партии продолжается. Истребление остатков старой большевистской гвардии проводится без сенсаций московских процессов, тихою сапою. Тихо и без шума ликвидируются главные организаторы московских процессов. Ежов, как известно, уже давно в немилости и потерял силу. Он, как живтное на бойне, ждет своей очереди. За ним пошел прокурор Вышинский, которого как будто бы повысили в чине: сделали его одним из пяти вице-премьеров, не дав ему никаких обязанностей, т. е. политически уже умертвили. Физическое умерщвление — следующий и последний этап кровавой карьеры бывшего меньшевика. Место Вышинского занял П. И. Панкратьев.

К числу наиболее известных большевистских невозвращенцев, начиная с Беседовского и кончая Барминым и Кривицким, присоединился активный старый большевик, большевистский герой Кронштадта, бывший мишенью для буржуазной прессы 1917 года, мичман Балтийского Флота, Федор Ф. Расскольников. Расскольников был посланником в Болгарии. „Юнайтед Пресс' от 20-го июля сообщает, что опубликовано решение Высшего Суда, об'являющее Расскольникова вне закона за „дезертирство с поста, присоединение к лагерю врагов народа и отказ вернуться в Советский Союз".

„Чикаго Трибюн Пресс Сервис" сообщает из Риги от 11-го мая об исчезновении комиссара связи Матвея Бермана, который был назначен на этот пост прошлой зимой. Раньше Берман был видным деятелем Г.П.У. Место Бермана занял никому неизвестный И. Т. Пересыпкин.

Быть главою комиссариата связи стало прямо-таки опасным, ибо за последние годы это означало, что выход из этого комиссариата ведет в подвал Г.П.У и „к стенке". С 1936 года на этом посту перебывали: Николай К. Антипов — расстрелян; Алексей И. Рыков — расстрелян; Генрик Ягода — расстрелян; Инокентий Хапельский, бывший командир танкового корпуса, исчез и судьба его неизвестна, а теперь исчез и Матвей Берман.

Последняя террористическая сенсация, которую принесла из России „Ассошиейтед Пресс', от 27 июля, это лишение чинов и орденов 79 высших чинов военного ведомства и дипломатического корпуса „за поступки, недостойные носителям ордена". За какие именно поступки, не говорится. Среди „обесчещенных" находятся: бывший министр-посланник в Монголии В. К. Таиров; начальник воздушных сил Лапин; дивизионный командир Сергеев; начальник политической администрации Уральского военного округа Шевченко; бывший морской атташе в Вашингтоне, морской инженер Павел Орас; бывший политкомиссар Морской Академии имени Фрунзе Раппапорт; бывший заместитель комиссара торговли С. К. Судин; начальник подводной лодки Батис; лидер Хабаровского Комсомола Овчинников. Что касается ген. Штерна, заменившего исчезнувшего в прошлом году маршала Блюхера, то советская пресса опровергает, что он смещен.

В советском военном ведомстве, после расстрела восьми генералов во главе с маршалом Тухачевским, место Тухачевского занял маршал Егоров, который исчез в феврале 1938 года. Егорова заменил Федько, который устранен в начале этого года. Его место занял маршал Буденный, который все еще продолжает занимать этот пост. Из пяти маршалов три расстреляны (Тухачевский, Блюхер и Егоров), двое еще живут: Ворошилов и Буденный.

После расстрелов генералов, как известно, начались процессы и расстрелы коммунистических вождей, и охота за их приверженцами. Террор против последних, как „шпионов" и „вредителей", дошел до того, что стали арестовывать даже детей и вынуждать от них признания в контр-революционной деятельности. Я имею в виду прогремевшее в феврале текущего года на весь мир дело против детей в Ленинске-Кузнецке, где один из

мальчиков не выдержал тюрьмы и ночных допросов и заявил: „Я признаюсь. Я принадлежу (к антиправительственной оганизации)". „Я начал мою контр-революционную деятельность в 1935 году". Документы показали, что в этом году мальчику было всего только семь лет...

Разгромив партию, начали громить рабочий класс. О терроре против рабочих, который неослабно продолжается и в настоящее время, мы писали в прошлом выпуске „Дела Труда". За террором против рабочих начался террор против крестьян, направленный против преуспевающих приусадебных хозяйств колхозников.

Кровь, муки, страдания, разорение, голодание и рабство удел трудящихся России при современном режиме „строителей коммунизма" на основах эксплоатации, привилегии и господства. Каждый честный человек, кому близки интересы трудящихся масс, должен, обязан работать в интересах свержения государственного рабства и большевистского бюрократического паразитизма.

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ В РОССИИ

„Правда" от 9-го июня сообщает, что „рыночные цены (в Москве) снижаются. Подешевели мясо, овощи, молочные продукты. **Молоко, например, продается по 1 рублю 58 копеек на литр** (немного меньше амер. кварты) **вместо 2 рублей 49 коп."**

Таже „Правда" от 18-го июня опубликовала, под заголовком: „Снижение цен на колхозных рынках", сообщение своего корреспондента из Воронежа, которое гласит:

„На колхозных рынках Воронежской области наблюдается сильное снижение цен на продукты. В Петропавловском районе, например, килограмм (рав. 2.2 английских фунтов) сливочного масла стоит 10 руб., яйца—3 руб. 50 коп. десяток и т. д.

„Такие же цены на эти продукты установились и на рынках Калачевского, Меловатского и других районов области".

В „Правде" от 28-го июня помещена корреспонденция из Ростова-на-Дону, в которой сообщается:

„На колхозных рынках Ростова бойко идет торговля овощами нового урожая. Много капусты, свеклы, моркови, огурцов.

„Свекла и морковь продавались по одному рублю за килограмм, свежие огурцы — по 1 руб. 50 коп. за килограмм, яблоки — 3 рубля за килограмм. Значительно снизились цены на капусту. В колхозных палатках, на возах и в автомашинах капуста хорошего качества продается по 75—80 коп. за килограмм".

Огромное большинство рабочих получает 110—115 рублей в месяц. Переведем этот заработок на продукты. Дневной заработок рабочего в оплате молоком будет равен — 2 квартам; сливочным маслом — немного меньше трех четвертей фунта; яйцами — немного больше десятка; свеклой и морковью — немного меньше 8 фунтов той или другой; свежими огурцами — немного меньше 6 фунтов; яблоками — 2 с половиной фунта; капустой — немного меньше 11 фунтов. Приблизительно, выходит то, что низкооплачиваемый американский рабочий зарабатывает в один час, русский зарабатывает за целый день.

ГИЛЬОТИНА ЗА РАБОТОЙ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТЕРРОРА В РОССИИ

В первой половине октября месяца выходит из печати на английском языке составленная тов. Г. П. Максимовым, вышеозначенная книга; книга большого формата и содержит свыше 500 страниц, с портретами многих политических заключенных и ссыльных. Цена книги 3.50, по подписке и членам групп — 2.50.

Книга состоит из двух частей. Первая, — „Источники Русского Террора", — устанавливает, что источник террора в централизме и диктатуре и что поскольку эти элементы лежат в основе марксизма, последний несет всю ответственность за террор в России. Вдохновителем и организатором террора является Ленин, что автор доказывает бессчисленными выдержками из произведений последнего. Террористические призывы Ленина иллюстрируются фактам террора в городе и в деревне из года в год, вследствии чего получается полная картина террора. Вторая часть содержит материалы и документы, хронику преследований и арестов, письма из тюрем и ссылки. Начинается вторая часть большой вводной статьей автора: „Анархисты в Русской Революции". Документы и материалы расположены в хронологическом прядке, год за годом, начиная с 1918 и кончая 1939-м.

Подписка принимается в редакции „Дела Труда". Желающие собирать подписку могут получить подписные книжки через наш журнал.

Весь доход от продажи книги поступает в пользу политических заключенных и ссыльных.

ВЕНИАМИН Р. ТУКЕР

На 85 году жизни, в Монако, 2-го июня, умер Вениамин Тукер, представитель и основатель американского „философского анархизма". После Тукера осталась жена. Пирл Джансон, которая, так же как и он, долгие годы была проповедницей „философского анархизма", и дочь.

Тукер родился 17 апреля 1854 г. в штате Массачузетсе, в Дартмоте, в старинной семье Новой Англии.

В течении трех лет (1870—72) он учился в Бостоне, избрав своей специальностью технологию, где познакомился с „философским анархистом" Уворреном. Некоторое время Тукер работал в качестве газетного репортера для некоторых газет. В 1877 году он начал редактировать газету „Ворд", выходившую в Принстоне. В 1878 году Тукер издавал в Нью Бедфорде, Масс., трехмесячный журнал „Радикальное Образование". вышло всего четыре номера. В 1881 году он переселился в Бостон и начал издавать двухнедельный журнал „Либерти", одновременно с этим он в течении десяти лет сотрудничал в бостонской газете „Глоб". В 1892 году Тукер переселился в Нью Иорк и стал издавать еженедельную разету „Либерти". которая выходила до 1908 года. Сперва редакция газеты находилась в доме Паркера по 4-ой эвеню, а затем, после пожара, была переведена в дом № 502 по 6-ой эвеню. Здесь Тукер содержал и книжный магазин, в котором продавались, главным образом. труды анархистов, атеистов, и свободомыслящих. Книжный магазин скоро стал центром тогдашних радикалов и либерелов.

Перу Тукера принадлежат многие брошюры и он первый стал переводить Прудона на английский язык, он же первый ознакомил американскую читающую публику с Бернардом Шоу.

Его огромный том „Вместо Книги" привлек к себе значительное внимание; эта книга, между прочим, переведена в 1906 или 1907 г. на русский язык. В 1888 году он перевел „Крейцерову Сонату" Льва Толстого, которая немедленно была запрещена почтой для пересылки. В 1909 году Тукер с женой и дочерью оставили Соединенные Штаты и никогда в ниг не возвращались.

Анархическое учение Тукера относится к разряду индивидуалистических. В основу своего учения Тукер положил личный интерес, на этом личном интересе строил равную свободу для каждого без экономического равенства. Он признавал частную собственность, основанную на труде или приобретенную без обмана. Признавал юридическое право и даже смертную казни. Теория Тукера. осуществлена в жизни, неизбежно приводит к восстановлению капиталистической эксплоатации и капиталистического рабства с тем же самым государством, которое Тукер отрицал. Тактика Тукера — мирное проповедничество. В общем его теория есть ничто иное, как крайний буржуазный либерализм.

„Тукер, говорит Кропоткин, подобно Спенсеру, великолепно раскритиковал государство, и высказал очень важные мысли в защиту прав отдельной личности, но признав также личную собственность на

МОГИЛА МИХАИЛА БАКУНИНА В БЕРНЕ
(Останки Бакунина перенесены сюда в 1904 году и вместо прежней плиты, поставлен камень с той же надписью).

землю, кончил тем, что воссоздал в лице „организаций для защиты" других то-же государство, чтобы помешать гражданам индивидуалистам делать зло друг другу.— Правда, что Тукер признает за таким государством только право защищать своих членов, но это право и эти отправления приводят к установлению государства с теми же правами, какими оно пользуется в настоящее время".

КУСОЧЕК ПРАВДЫ ОБ ИСПАНСКИХ КОММУНИСТАХ

(НКТ И ФАИ в защиту П.О.У.М.)

Печатаемые нами документы доставлены нам из Испании. Эти документы чрезвычайной важности—они проливают свет на преступное поведение испанской компартии, работающей по московской указке. Документы говорят с какой энергией и с каким упорством испанские коммунисты пытались повторить московские процессы в Испании. Они же преподнимают край завесы над „таинственным" исчезновением одного из руководителей П.О.У.М., Андрея Нина, стоявшего в резкой оппозиции к своему бывшему хозяину, к Коминтерну, т. е. к Сталину. Эти документы следовало бы издать отдельной брошюрой и широко распространить. Может быть найдутся товарищи, которые имеют возможность истратиться на издание этих документов брошюрой. Мы же со своей стороны, чтобы удешевить издание, будем сохранять их набор. Кроме того, нам следовало бы издать по-английски, сборник материалов и документов о террористической деятельности испанских коммунистов против левого сектора испанского рабочего движения, включая сюда и данные документы. Раскрыть реакционную и контр-революционную сущность большевизма на свежем испанском примере чрезвычайно важно и необходимо во всех решительно отношениях. Это диктуют интересы мировой социальной революции. —Помните, теперь мировая буржуазия охотно покрывает подобные большевистские преступления, не доводит их до сведения рабочего класса, потому что они ей на руку. Мы предлагаем всем читателям „Д.Т." серьезно обдумать наше предложение и решиться на расходы.

РЕД. „Д.Т.".

(Продолжение)

ДОКУМЕНТ НОМЕР 2

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕЧИ АДВОКАТА ВИСЕНТЭ РОДРИГЭС РЕВИЛЬЯ, ЮРИДИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА Н.К.Т., ЗАЩИТНИКА В ДЕЛЕ ПРОТИВ ПОУМ.

Защита утверждает, что наиболее славные акты антифашизма в дни июля 1936 года были совершены трудящимися, которые, почти не имея и не получив оружия от властей, сами отвоевали его у мятежников и предателей. Благодаря энергичным действиям рабочего класса и была восстановлена полнота власти в руках республиканского правительства, опиравшегося на вооруженный народ, охранявший зону, отбитую у фашистов. Кратко описывает распределение антифашистских сил между отдельными ее фракциями и заявляет, что в действительности существующее Правительство Республики было совершенно бессильно в виду того, что правительственные силы подняли мятеж, а те, кто подавил его, употребляли свои силы не столько на защиту государства, сколько ради проведения революции.

Политика правительства заключалась в данный период — мало по малу восстановить свое влияние путем реорганизации своих сил и вот почему оно всеми силами старалось привлечь к участию в нем трудовые партии и организации, с целью привлечь на свою сторону те силы, что существовали вне его контроля и вели брьбу на фронтах против фашизма, а в тылу за революцию.

Факты говорят, что подобный процесс, только в наиболее усиленной форме, имел место в Каталонии, доказательством чему являются некоторые декреты Генералидата (Автономного Правительства), чисто революционного характера, имеющие силу и в настоящее время.

Революционное положение позволяет судьям выносить приговор не по букве закона, а согласно справедливости, так как новые распоряжения правительства, если не установили новых норм законодательства и юрисдикции, то сделали старые законы неприменимыми. В революционный момент никто не мог ждать пока пройдут нормальные инстанции законодательства распоряжения, чтоб конфисковать у восставшей буржуазии ее имущество, крайне необходимого для успешного ведения борьбы с фашистским мятежом; никто не мог ожидать узаконения, чтобы захватить здания, оружие, боевые припасы, продукты питания, запасы сырья, орудия труда и т. д., без чего было бы невозможно организовать снабжение милиций, если бы все эти реквизиции производились по нормах, существующих архаических законов. Таким образом, ряд актов, рассматриваемам существующих архаических законов, дать место судебным преследованиям, так как в обстоятельствах, в каких они были

произведены, данные действия должны рассматриваться как вполне достойные. Только теперь и по случаю преследований, возбужденных против ПОУМ, прокурор ставит в вину подсудимым захват помещений, поместий и средств пропаганды в описываемый момент.

Процесс характеризуется упорной борьбой между судебным следователем и полицией. Следователь защищая, постоянно требовал документальных доказательств обвинения, но никогда их не получал. Разбирая ведение следствия, защита находит, что оно велось неудовлетворительно, хотя и признает, что в некоторых случаях следователь делал все, что было в силах. Передавая подсудимых в распоряжение судебных властей, полиция осведомила последних, что в деятельн. ПОУМ она (полиция) находит следующие действия: хранение фотографий аэродромов — шпионские действия; наличие в рядах партии иностранцев, кои по снятии с них допроса сознались, что они являются агентами „Гестапо" и подписали свои показания; внезаконная купля и продажа оружия и иностранной валюты; пользование шифром для сношений, а также подделка документов, шпионаж в пользу врага.

О каждом из вышеуказанных противозаконных действий, защита установила: что касается фотографий аэродромов, то Генеральный Штаб заявил, что пред'явленные ему снимки не представляют никакой военной ценности и являются учебными снимками военных училищ. Относительно иностранцев, членов „Гестапо", судебный следователь, несмотря на неоднократные требования передать в его распоряжение названных иностранцев, не смог их получить, а в конце концов, ему были переданы списки задержанных, занимавшихся налетами на автомобилях; из иностранцев же ему было сообщено имя лишь некоего Симеона Кольчева, который в момент передачи его в распоряжение следственных властей, находился на свободе, в виду того, что за его действиями не было никакого состава преступления и никогда не было дано самомалейших доказательств, что последний имел какое либо касательство к „Гестапо". Также остались недоказанными противозаконные операции с иностранной валютой и оружием. Имеются лишь письма, которые никто не признал за свои и кои неизвестно кем были написаны. В одном из них ПОУМ давались советы подделать печати Франко, чтобы вводить в заблуждение фашистов, менять деньги Республики на деньги Бургоса, как имеющие более свободное хождение. Нет никаких доказательств, что эти мероприятия проведены были в жизнь, но, признает защита, если бы даже они и были проведены в жизнь, то принесли бы вред лишь фашистам.

Следовательно, производя дознание, старался выпытать у шпиона Голфина не он ли был связчиком и автором надписей на одном из документов. Голфин, признав правильность возводимых на него обвинений в шпионаже в пользу Франко — за что он и был недавно расстрелян — категорически отказался признать себя автором документа и что он находился в связи с ПОУМ. Также не признал себя автором инкриминируемого документа полицейский агент Кастилья, равно как и все из подсудимых, эксперты графологи, которым были переданы для выяснения дела об авторстве вышеуказанного документа, высказались, что ни Голфин, ни его сообщники по шпионажу, ни полицейский агент Альберто Кастилья, не являются авторами документа. Было установлено, что надпись на обороте плана Мадрида, сделана неизвестно кем, и что даже издатель его, продавший данный план, не является его автором. Отпадает даже и предположение, что документ был сфабрикован в полиции, которая его имела в своем распоряжении весьма продолжительное время, следует признать, что сей документ появился на свет по самопроизвольному зарождению, что хоть и является чрезвычайной редкостью, но не невозможностью.

Разбирая в дальнейшем все доказательства виновности подсудимых, защита обращает внимание судей на то, что свидетели Мартин Роурчт, Андрэу Абельо, Фредерика Монтсени и Ларго Кабальеро признали подсудимых искренними антифашистами, что же касается показаний Вирхилио Льанос, Кордон и Монтэкон, то их следует признать настолько чудовищными, что они не могут быть приписаны обвиняемым, так как обвинения эти выдвинуты против армейской дивизии, уже находившейся в зависимости от военного командования.

События мая 1937-го года.

Защитник отрицает, что в дни мая 1937 года ПОУМ мог располагать силами 29-й дивизии. Он основывается на свидетельских показаниях и на полном отсутствии доказательств обвинения, несмотря на то, что командир и политический комиссар этой дивизии были члены-активисты ПОУМ. Что касается обвинений, выставленных против командования дивизии, то заявляет, что данный процесс разбирает деятельность руководителей партии, а не нарушения военных уставов боевой частью, не имеющей никакого отношения к данному делу.

Давая описания событий первых дней мая 1937 года, характеризует их, как попытку других фракций лишить НКТ позиций, занимаемых последней в Барселоне. Борьбу эту ПОУМ не был в состоя-

нии вызвать, будучи партией меньшинства. Разбирая инцидент на „Телефонике" (Центральная Телефонная Станция), послужившим поводом к беспорядкам, приходит к заключению, что режим или положение на станции было вполне законно и было признано „Генералидатом", который и назначил своего комиссара, председателя Рабочего Фаб Зав Кома,члена ПСУК (Секции Коминтерна Каталонии). А свидателя Рабочего Фабзавкома члена ПСУК и Роурэт не доказывают, что телефонные разговоры саботировались или перехватывались.

Полицейские силы, по собственному почину, войдя в столкновение, автоматически теряют право быть правительственными силами, а становятся одной из воюющих сторон. Действия этих сил, в подобном положении, являются нарушением закона и могут рассматриваться как убийство, умерщвление или иным подобным же термином, но ни в коем случае, как восстание, мятеж, бунт или предательство против установленного режима; равным образом, сказанное относится и к тем, кто оказал сопротивление полицейским силам. Общеизвестно и все свидетельские показания сходятся на том, что события первых дней мая не были направлены против Республики, что полностью опровергает тезис прокурора. Ведь вопрос не ставится: причинили ли беспорядки вред Республике или нет, так как в данном случае последнее является лишь случайным стечением обстоятельств, а существовал ли в разбираемом случае состав преступления против нее? Так высказался Ларго Кабальеро, давая свое мнение о событиях мая, заявив, что события в Барселоне в мае 1937 года были вооруженным разрешением расхождений между каталонскими антифашистскими партиями и находит правильным, что разрешение конфликта было достигнуто путем переговоров между враждующими фракциями, а не путем вмешательства военных, полицейских сил Республики. Обе враждующие стороны имели представителей в правительстве и ясно , что они не могли оставаться нейтральными. Также и правительство Республики, послав в Каталонию полицейские силы, с миссией принести умиротворение, а не заниматься репрессиями. Ларго Кабальеро весьма удивляет, что репрессалии имели место и не только случай, что разбирается сейчас перед судом.

Закончил защитник разбор майских событий поминовением о павших в эти дни, одни из коих были убиты в бою, а другие прикончены, как, например, это имело место с профессором Бернери, известнейшим итальянским анархистом. Так же не было оставлено без внимания показание свидетеля Гаррига, который заявил, что уже второго мая, за сутки до инцидентов на „Телефонике", были приняты чрезвычайные меры охраны порядка.

Защитник закончил свою речь выражением благодарности за доброжелательность, с какой была выслушана его долгая речь трибуналом, и просьбой об оправдании всех подзащитных.

ДОКУМЕНТ № 3.

Свидетельские показания т. Федерики Монтсени, бывшей Министром Республики, многократно печатавшиеся в конфедеральных органах после того, как коммунисты начали травлю подсудимых в своей печати.

Свидетель заявляет, что знает некоторых из подсудимых по деятельности на литературном и политическом поприщах, а также, как старых испытанных антифашистов. В дни майских беспорядков в Барселоне была послана центральным правительством комиссия с миссией положить им конец. Пока еще не возможно пролить полный свет на причины данных столкновений, но наступит время, когда будет ясно многое, остающееся пока в тени. Ни ПОУМ, ни НКТ, ин ИФА ни в малейшей мере не виновны в указанных беспорядках.

Майские события являются результатом подпольных интриг, тех, кто желал бы скинуть правительство Ларго Кабальеро и не допускать к власти пролетарские организации Монтсени, отвечая на вопрос председателя трибунала, кратко заявила, что по прибытии из Валенсии правительственные делегаты собрались в помещении „Генералидата" и изыскивали меры умерить страсти и добиться, чтобы борьба не приняла те формы, кои нужны были провокаторам, в тени ведших борьбу против трудовых масс. В заключение она попросила разрешения у председателя сделать следующее заявление: „Испания, страна либерализма, ожидает, что сидящие сейчас на скамье подсудимых, не будут осуждены, ибо они были и остаются либералами и антифашистами".

ДОКУМЕНТ № 4.

Открытое письмо г-ну Вирхилио Льянос Артога.

Милостивый государь!

Ваши показания на процессе руководителей ПОУМ, направленные против подсудимых и которые вы приписываете мне, были для меня полнейшей неожиданностью, так как они, даже отдаленно, не соответствуют истине. Я не могу согласиться, чтобы мое имя использовали для политических маневров, а также, чтобы истинное положение вещей выставлялось, как вам это нравится, а не соответственно истине.

Когда в мае 1937 года в Барселоне возникли беспорядки, то они нашли отзвук среди солдат сектора фронта, расположенного на север от г. Кэска. 6-го мая, благодаря мерам предосторожности, принятым правительством и преувеличенных слухов, достигших до фронта, при содействии некоторых неустойчивых или несознательных элементов, волнения среди бойцов достигли максимума. В полночь капитан Цанотти сообщил мне, что несколько батальонов из бывшей колонны „Рохо и Негра", направились на Лериду. В этот момент я находился во главе 125-й Смешанной Бригады, а так как командир 26-й дивизии т. Грегорио Ховер был в отсутствии, то на меня выпала обязанность принять меры. Направились на с. Сиетамо, надеясь там застать части, снявшиеся с фронта. В Генеральном Штабе 29-й дивизии мне сообщили, что искомые части прошли через указанное поселение и направились на Лериду. К первым силам примкнули и некоторые формации 29-й дивизии, находившиеся в резерве. Немедленно направились в Лериду и в с. Бинэфа встретил войска в количестве четырех или пяти батальонов. Спрашиваю о командовании и мне указали частный дом, в котором они собрались. Войдя в контакт с командованием, задаю вопрос о причинах ухода с фронта. Ответ: „В Лериде идут массовые убийства и потому они направились туда, чтоб положить конец уничтожению своих собратьев по идее". Я заставил их задуматься о всей серьезности предпринятого шага, предположив, что дело может кончиться выступлением против правительства и пойти на пользу только фашизму.

Командиры согласились со мной и решили вернуться на фронт. Были сделаны нужные распоряжения, и войска приготовились вернуться на исходные позиции, и выступили в нужном направлении в 4 часа утра 6-го мая. Я же вместе с командиром 29-й дивизии т. Ровира направились в Лериду, где встретились с председателем Генералидата, т. Вила. Т. Ровира я встретил среди командиров, выступивших на Лериду. Представителя „Генералидата" я поставил в известность, что части, выступившие на Лериду, вернулись под Уэску и что больше не существует опасности. Попросил у него приказать полицейским силам вернуться в казармы. Затем я посетил представителя ПОУМ и других политических и рабочих организаций и настоял на том, чтобы все они пошли на сговор с правительством. Мои хлопоты имели успех, и в несколько часов в Лериде исчезла опасность повторения барселонских событий.

Нахожу нужным указать, что в Лериде не был нарушен порядок ни полицейскими силами правительства ни рабочими.

Вновь направился на передовые позиции через Бинэфар (в одиннадцать часов пополудни), чтобы осведомиться не имеется ли какой нибудь отставшей части. В этом поселении никого уже не застал. Расспросил жителей села, не наделали ли бед проходившие через него утром войска, получил единогласный ответ: данные войска при проходе через поселение вели себя вполне корректно.

Вот и вся правда о факте похода на Лериду.

Это вы, г-н Льанос заявляете, а не я, что силы ИФА (в данном случае 28-я дивизия) подпали под влияние ПОУМ, и искажаете совершенно истину.

28-я дивизя или дивизия ИФА, как вы ее называете, находилась в постоянных и дружеских сношениях с 27-й и 29-й дивизиями, ее соседками, равно как и с другими частями Республиканской Армии. Никогда 28-я дивизия не подпадала под влияние какой либо политической партии, какого бы она не была цвета, имея достаточно сознательности. Когда правительство постановило переформировать старую милицию и ввести ее в Народную Регулярную Армию, то мы выполнили эти распоряжения, полагая, что таким образом мы еще лучше будем служить интересам освобождения Испании и до сих пор честно, наравне с другими, если не лучше, выполняли и выполняем наш долг.

Г-н Льанос, 28-я дивизия не подымала восстания, подбитая на этот шаг руководителями 29-й. В описываемый момент данная часть держала фронт и пока она находилась в указанном месте, то врагу не было уступлено ни пяди.

Никому и никогда я не делал подобных заявлений, какие вы мне вложили в уста, ни в момент, когда я давал показания в деле против руководителей 29-й дивизии, которое вы недавно вели, ибо всегда был сторонником истины.

Последнее слова за судом.

Обвинения, что Вы выдвигаете против 29-ой дивизии и ссылаетесь на меня, вроде пакта о ненападении, покидании фронта и т. д., являются лишь пусканием дыма, коим нельзя придать какой бы то ни было веры или даже полагать, что подобные факты возможны. Я близко знал ребят, бойцов названной дивизии, и не принимал во внимание глупостей, что они делали во имя политики, подобно тому, как их делают другие, хорошо Вам известные круги, честно выполняли свой военный долг и особенно во всех операциях наступательных и по отбитию вражских аттак. (Дело идет о периоде пребывания 29-й дивизии на Уэсском секторе Арагонского фронта).

Не припомните ли Вы, что в эту пору

занимали пост комиссара Восточного Фронта, что генерал Посас поручил мне реорганизацию 29-й дивизии, после того, как в ней имели место ряд инцидентов, о которых предпочитают не говорить более подробно; в короткий срок мне удалось добиться восстановления дисциплины и повиновения бойцов и командного состава приказам верховного командования.

Возможно ли, что в рядах 29-й дивизии были элементы продавшиеся фашизму? Не отрицаю, что это возможно, но не следует забывать, г-н Льянос, что мы служим в рядах Республиканской Армии, что честь и честность, а также идеалы, которые мы защищаем, принуждают нас быть пролетарскими революционерами, справедливыми даже по отношению к врагам, и действовать наиболее великодушно.

Прошу Вас в будущем не поддаваться влияниям страстей и не искажать истины — матери правосудия.

Подполковник Г. Виванкос.

(Окончание следует).

Исторический Отдел

Товарищи, продолжайте писать свои воспоминания. Особенно просим описать наше движение в Сиатле, Ваш., в Лос Анжелосе и Сан-Франциско — оно до сих пор осталось неосвещенным.

РУССКОЕ АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОЧЕСТЕРЕ

(Исторический очерк).

Рочестер — небольшой промышленный город Нью-иоркского штата — имеет 325 тысяч жителей. Значительная часть, почти одна треть населения, состоит из эмигрантов: итальянцев, немцев, поляков, евреев, литовцев и украинцев. Коренных русских сравнительно мало: от 2 до 3-х тысяч человек, живущих в различных местах города. Лет 30 тому назад русских колонистов было здесь всего несколько сот человек.

Началом распространения анархических идей в Рочестере надо считать, по всей вероятности, 1906 год. В конце этого года известная анархистка Эмма Гольдман, по приглашению группы своих друзей, прибыла в Рочестер и прочла здесь три лекции на английском языке. Одна из ее лекций была на тему: „Русская революция 1905 года". Эта лекция привлекла много людей, среди которых было немало радикалов и сторонников анархических взглядов лекторши. Нарисовав общую картину русского революционного движения, Эмма Гольдман подробно говорила о революции 1905 года и причинах ее поражения. Она заключила, что русский трудовой народ должен стремиться не к политической революции, которая его не освободит, а к социальной революции, которая положит конец всякому рабству и принесет стране полное освобождение от ига царизма и капитализма.

В результате лекционных выступлений Эммы Гольдман, в Рочестере весной 1907 года организовалась „Интернациональная анархическая группа", в состав которой вошли несколько американских, итальянских и еврейских анархистов. Членами этой группы были также трое русских товарищей: Николай Дашута (анархист из России), Александр Орловский и Степан Морозов (последний умер в Калифорнии в 1927 году). Их-то надо считать первыми русскими анархистами, поселившимися в Рочестере. „Интернациональная анархическая группа" просуществовала около двух лет и занималась, главным образом, устройством английских лекций и распространением анархической литературы.

С течением времени русская колония в Рочестере начала увеличиваться: стали приезжать новые русские эмигранты — в одиночку и группами. Это были молодые, здоровые люди, полные жизни и энергии. Гонимые на родине плохими политическими условиями и экономической нуждой, они приехали в новую страну в поисках работы и хлеба. Но они жаждали вместе с тем и духовной пищи, т. е. знания, просвещения и идейной работы. И с увеличением нашей русской колонии росла также потребность в об'единении, потребность в организации.

После некоторых частных совещаний между отдельными товарищами, стремившимися к об'единению русских колонистов, было решено созвать небольшое собрание с целью основать прогрессивную организацию. Созванное в начале мая 1908 года собрание прошло с большим успехом: был основан „Русский Прогрессивный Кружок", который надо считать первой русской анархической организацией в Рочестере.

В начале деятельность новой организации, насчитывавшей два десятка членов, ограничивалась устройством ежемесяч-

ных деловых собраний и нередкими докладами по некоторым вопросам рабочего движения. Но постепенно появилась нужда в более частых собраниях, выросла потребность в совместных чтениях, в распространении радикальной литертуры и в закупке книг для устройства хотя бы небольшой библиотеки. Для этой последней цели был куплен подходящий шкаф и выписаны некоторые книги и журналы непосредственно из России, а также из Нью-Иорка. Вместе с пожертвованными книгами у нас составилась хорошая библиотека, откуда члены организации и вообще любители русского чтения черпали свои знания. А с выходом в свет весной 1911 года нью-иоркского ежемесячного журнала „Голос Труда" почти все члены кружка сделались его подписчиками и усиленно распространяли его среди русской колонии.

Своим появлением „Голос Труда" внес новую струю жизни в деятельность Кружка. Членские собрания стали происходить чаще — каждое воскресенье. На этих собраниях, на которых, кроме членов, всегда были симпатизирующие работе Кружка, горячо обсуждались появлявшиеся в „Голосе Труда" некоторые важные статьи и вообще спорные вопросы. Это содействовало сближению русских колонистов, которые все больше и больше начали интересовться анархизмом, рабочим движением и другими социальными вопросами.

Так продолжалась деятельность „Русского Прогрессивного Кружка" вплоть до второй половины 1914 года, когда этот Кружок был переименован в „Союз Русских Рабочих".

После первого с'езда Союзов Русских Рабочих, состоявшегося в Детроите в начале июля 1914 года и об'единившего много организаций в одну Федерацию, в Рочестер приехал тов. И. Кольцов, делегат из Сеатла, Вашингтон, с целью прочесть доклад о с'езде. Было созвано экстренное собрание, которое оказалось довольно многолюдным. Будучи председателем собрания, я вкратце указал на историческую важность первого с'езда русско-американских рабочих и выразил надежду, что этот с'езд явится большим толчком на пути к дальнейшему об'единению русских рабочих.

Докладчик, тов, Кольцов, представил собранию письменный доклад. В нем он, прежде всего, обратил наше внимание на два важных обстоятельства: 1) состоявшийся с'езд обнаружил сильный рост русских рабочих организаций и 2) с'езд об'единил большинство организаций в одну Федерацию, принявшую однородную программу организационной и просветительной деятельности.

Затем докладчик указал на некоторые важные вопросы, стоявшие в порядке дня с'езда, а именно: 1) еженедельное издание „Голоса Труда", 2) наше отношение к американскому рабочему движению, 3) наше отношение к революционному движению в России и 4) цели организаций, входящих в новую Федерацию. По первому вопросу с'ездом было решено, что, начиная с сентября 1914 года ежемесячник „Голос Труда", издававшийся в течение трех с лишним лет нью-иоркской рабочей группой, будет издаваться Федерацией Союзов Русских Рабочих еженедельной газетой. По второму вопросу была принята резолюция в том смысле, что русские рабочие в Америке должны всеми силами поддерживать радикальное американское рабочее движение, влияя на него в духе идей свободного коммунизма. По третьему вопросу принятая резолюция гласила, что „русско-американские рабочие должны усиленно поддерживать все революционные выступления трудового русского народа, стремящегося к освобождению России от царизма, капитализма и власти". И по четвертому вопросу было решено, что Федерация Союзов Русских Рабочих будет преследовать две цели: 1) революционное воспитание русских рабочих и 2) подготовку хороших организаторов и пропагандистов для анархического движения в России и в Америке.

В заключение своего доклада тов. Кольцов обратился к слушателям с горячим призывом помочь новой Федерации в ее важной работе.

Прочитанный доклад произвел хорошее впечатление. Нашлись, однако, некоторые социалисты, выступившие с возражениями. Особенно усердствовал в этом некий А. Львов, член небольшой социал-демократической организации „Русское Общество Самообразования". Социалдемократ Львов, (уехавший, кстати сказать, в Россию в начале революции 1917 года), никак не мог согласиться с заключениями докладчика о задачах и целях русских рабочих организаций и о помощи анархическому движению. По его мнению выходило, что русские рабочие в Америке должны вступать в социалистическую партию и заниматься политической деятельностью или выборами в конгресс и городские учреждения. Этим они помогут социалистам получить большинство голосов и депутатских мест. И когда социалисты окажутся в большинстве, они захватят государственную власть, об'явят социалистическую республику и сделаются, таким образом, хозяевами богатой страны. Что же касается анархического движения в России, то, во-первых, там вовсе нет такого движения, а во-вторых, если бы оно даже и существовало, то рабочие не должны его поддерживать, ибо анархисты — мелко-

буржуазные мечтатели и утописты. Вместо этого, рабочие в России должны уничтожить самодержавие, добиться политической свободы и бороться за социализм. Словом, Львов повторял давно знакомые плехановские или социалдемократические басни.

Понятно, тов. Кольцов не остался в долгу и в свою очередь достойным образом ответил Львову. Он вместе с тем указал и на то, что для лучшего выяснения этих двух важных вопросов следует иметь специальные дебаты и выразил пожелание, чтобы наш Союз взял на себя инициативу по устройству дискуссии с социалдемократами. Долгие аплодисменты были ответом на заключительные слова докладчика и все согласились устроить дискуссию между анархистами и социалистами.

Прежде чем перейти к описанию состоявшейся дискуссии, я хочу вкратце отметить трагическую смерть тов. Кольцова. После своего доклада, он провел в Рочестере еще несколько дней, а затем решил отправиться в путь — в Нью-Иорк. Не желая „обогащать" железнодорожную компанию, он задумал поехать „зайцем" в вагоне товарного поезда. Сколько мы ни упрашивали его не делать этого, указывая на то, что, идя на такую штуку, он рискует своей свободой, а быть может, и жизнью, — он нас не послушался и в один роковой для него вечер отправился в путь-дорогу. Проехав благополучно несколько часов, он был замечен ночным сторожем, который, приняв его, вероятно, за вора-грабителя, начал в него стрелять и тяжело ранил его в желудок. Слабого, еле живого, его довезли до Нью-Иорка, откуда он был отправлен в городскую больницу. Здесь он пролежал несколько дней и после неудачной операции умер в тяжелых мучениях.

Весть о преждевременной смерти тов. Кольцова, о чем сообщалось в одном из первых номеров еженедельного „Голоса Труда", острой болью отозвалась в сердцах всех рочестерских союзовцев.

Назначенная дискуссия между Союзом Русских Рабочих и Обществом Самообразования состоялась в воскресенье 28 сентября 1914 года. Дискуссия велась на тему: „Анархизм и Социализм". Я защищал анархизм, а упомянутый уже Львов — социализм. Дискуссионное собрание привлекло несколько сот человек — редкое явление в жизни русской колонии Рочестера. После речей дебатантов выяснилось, что симпатии почти всех слушателей на стороне анархистов и их учения. Чувствовалось, что в своей массе русские рабочие более склонны к анархизму, т. е. к идеям безвластия, свободы, равенства и братства, нежели к восприятию идей государственного социализма, устанавливающего новое господство над рабочими. Этим об'ясняется и то важное обстоятельство, что анархическое течение среди русских трудовых масс почти всегда было более многочисленным и сильным, чем социалистическое течение, которое имело только незначительное число сторонников. И это подтвердилось на нашем дискуссионном собрании. В то время, например, как мы сумели платно распространить более 100 экземпляров газеты „Голос Труда", много другой анархической литературы и привлечь в Союз несколько новых членов, социалдемократы продали всего несколько номеров социалистического „Нового Мира" и не только не получили новых членов, но, как впоследствии оказалось, потеряли еще из своего Общества шесть членов, перешедших к союзовцам, за которыми, можно смело сказать, осталась большая идейная победа.

О нашумевшей дискуссии долгое время шли разговоры в русской колонии среди союзовцев, социалистов и беспартийных. Все предлагали устраивать более частые дискуссии, ибо они способствуют выработке определенных взглядов и самоопределению организаций. Наш Союз вполне согласился с этим, и на одном из его деловых собраний было решено посвятить в течение месяца два воскресенья дискуссионным собраниям, а остальные два воскресенья — деловым собраниям. Союз выделил из своей среды трех товарищей, которые поочередно выступали с небольшими докладами как по анархизму, так и по различным вопросам рабочего движения. Помимо этого, 1915 год в деятельности Союза прошел под знаком устройства двух интернациональных массовых митингов: первомайского митинга и митинга в ноябре месяце, посвященного памяти казненных в 1887 году чикагских анархистов. На этих митингах выступавшие ораторы говорили на трех языках: русском, украинском и английском.

Так шла работа Союза в течение первых двух лет. Наше влияние на рабочую среду росло. Союз укреплялся новыми членами и хорошо поставленной работой, и русские колонисты все больше и охотнее прислушивались к правдивому голосу анархистов.

***

Большое влияние на развитие анархической деятельности нашего Союза оказал тов. И. Мухин, который приехал в Рочестер в начале марта 1916 года. Он пробыл у нас две недели и прочел 6 лекций, привлекших большое число слушателей и вызвавших большой интерес к затронутым в них вопросам. Он говорил на следующие темы: „Тяжкая доля рабочей жизни", „Враги и друзья крестьян", „Вой-

на, патриотизм и отечество", „Возможность коммунизма", „Церковь и государство" и „Анархизм и социализм". Во всех этих лекциях ясно обнаружилось цельное, революционное мировоззрение, излагаемое умелым лектором-пропагандистом.

Остановившись в начале своей первой лекции на причинах эмиграции русских рабочих в Америку, тов. Мухин далее в ярких красках нарисовал нам, с одной стороны, бедную, страдальческую жизнь рабочих масс, а с другой — богатую, роскошную жизнь кучки паразитов-капиталистов. Контраст получился поразительно глубокий. Кучка богачей и многомиллионный рабочий класс! Хозяева, сидящие на шее рабочего и сосущие из него кровь, и рабочие, создающие все богатства. Богачи и власть имущие всегда были против рабочих и вообще бедного народа. Это идет из года в год, из столетия в столетие. И на протяжении человеческой истории еще не было случая, чтобы богачи, по своей доброй воле, отказались от эксплоатации и порабощения рабочих. Наоборот, враги последних всегда беспощадны и мстительны. Многочисленные примеры и факты из истории рабочего движения разных стран, приведенные лектором, ясно показали, что у рабочих в среде других классов всегда находится больше врагов, нежели друзей. Поэтому, залог освобождения трудового народа от капиталистов и государства находится в его собственных руках. Народ должен не просить и кланяться, а требовать и брать, т. е. завоевывать все богатства, создателем которых он является. И лектор заключил, что чем энергичнее и сильнее будет революционная борьба рабочих против своих исконных врагов — капитала и власти,—тем скорее они добьются своего полного освобождения.

Во всех остальных лекциях тов. Мухин проводил ту же точку зрения, т. е необходимость революционной борьбы трудового народа против всех окружающих его социальных зол и бедствий: против войны и капитализма, против государства и церкви — за лучшую и свободную коммунистическую жизнь.

Приблизительно в это же время, т. е весной 1916 года, мы, группа членов Союза, организовали в Рочестере „Анархический Красный Крест". Следующие причины способствовали зарождению новой организации.

В течение нескольких лет у нас существовало „Общество помощи политическим ссыльным и заключенным в России", состоявшее из еврейских и русских социалистов и нескольких союзовцев. Общество часто устраивало балы, концерты и другие предприятия в пользу заключенных и свою денежную помощь посылало не непосредственно в Рос., а в Нью-Иоркское Общество, которое помогало исключительно социал-демократам и социалистам-революционерам. Нас же, в Рочестере, уверяли, что помощь разделяется поровну между всеми нуждающимися товарищами без различия партий.

Но из письма одного ссыльного товарища мы узнали, что заключенные анархисты не получают денежной помощи. Чтобы иметь больше информаций, мне было поручено запросить об этом Нью-иоркский Анархический Красный Крест, секретарем которого в то время был тов. Гудман. Он любезно предоставил в наше распоряжение пачку писем заключенных анархистов, каждое из которых свидетельствовало о том, что при распределении денежной помощи, поступаемой от Нью-иоркского Общества, анархисты всегда обходятся.

Мы, союзовцы, решили действовать. Вооруженные полученными письмами и другими документами, мы явились на ближайшее деловое собрание Общества и потребовали раз'яснения по поводу того, что заключенные анархисты не получают денежной помощи. После долгих дебатов и препирательств, мы убедились, что социалисты стремились все время использовать нас, и что они и в дальнейшем не будут помогать заключенным анархистам. И в знак протеста, мы оставили собрание, перестали помогать Обществу и организовали Анархический Красный Крест.

Анархический Красный Крест в Рочестере был организован, как видно из протокола его первого собрания, 12 апреля 1916 года в количестве 22-х записавшихся членов. Мы преследовали одну цель: помощь заключенным анархистам. Наши денежные средства составлялись из прибыли от предприятий, членских взносов и добровольных пожертвований. Понятно, мы также старались распространять большое количество экземпляров „Голоса Ссыльных и Заключенных Анархистов". Свою денежную помощь мы посылали через Нью-иоркский Анархический Красный Крест.

Наш Красный Крест просуществовал около года и за свое короткое существование успел переслать более 100 долларов. Красный Крест был ликвидирован нами вскоре после того, как получились первые известия о русской революции, об'явившей амнистию для всех политических заключенных.

Русская революция 1917 года пробудила среди нас большой интерес к событиям, совершавшимся на родине с головокружительной быстротой. Революция окрылила наши надежды и стремления возвратиться на родину и вместе с восставшим народом продолжать начатое револю-

ционное дело до победного конца. Мы все рвались домой... Мы все горели сильным желанием работать и работать для торжества наших идеалов. Революция способствовала наплыву в нашу организацию совершенно новых людей. Членский состав Союза с каждым собранием увеличивался и рос все больше и больше. Доклады, лекции и дискуссии стали устраиваться чаще. Мы выработали новые планы о найме большого помещения для наших собраний, об организации новых союзов, о созыве районной конференции и даже о создании агитационного фонда для посылки агитаторов и докладчиков по организациям.

Но наши ликования долго не продолжались. Волна пальмеровских разгромов русских радикальных организаций, начавшись в начале ноября 1919 года в Нью-Иорке, докатилась и до нас, рочестерцев, хотя мы, по сравнению с другими, мало пострадали. Предупрежденные во-время нью-иоркскими товарищами о надвигающейся опасности, мы приняли все меры предосторожности и перенесли в надежное место, о котором знали всего два-три товарища, всю анархическую литературу, протокольные книги, печати организаций и другие документы, могущие дискредитировать нас в глазах местных властей и сыщиков. Нас в особенности беспокоила судьба богатой библиотеки, которую мы, конечно, хотели сохранить в цельности. Но мы скоро убедились, что и она спасена: нашлось несколько товарищей смельчаков, которые, рискуя своей свободой, увезли ее из помещения в самый последний момент, уже на глазах нагрянувшей было полиции.

Арестов и преследований союзовцев со стороны властей в Рочестере не было. Правда, были обыски у секретаря Союза и на квартирах некоторых товарищей. Но власти, не найдя ничего подозрительного, оставили нас в покое, предполагая, очевидно, что со стороны русских городу не грозит опасность. Но справедливость требует отметить, что если бы не своевременное предупреждение нью-иоркских товарищей о грозящей нам опасности и не смелость наших местных союзовцев, все наше имущество было бы наверное разгромлено и добрая часть товарищей попала бы в тюрьму.

Массовый разгром русских рабочих организаций, устроенный американскими черносотенцами, закончился, как известно, арестом многих союзовцев и депортацией в Россию более двух сот наших лучших товарищей. Но разгромы, аресты и депортация не ослабили духа и энергии оставшихся товарищей и не приостановили нашего движения. Наоборот, насилия, совершенные над нами, убедили нас в правоте наших идей и в необходимости продолжать прерванную работу.

Зная, что наши колонисты напуганы происшедшими во многих городах арестами и преследованиями русских радикалов и зная также, что условия времени не позволяют нам работать открыто, легально, мы решили уйти в подполье и работать нелегально. Избрав нелегальный путь, мы прекрасно знали, что наша работа не затронет широких слоев русской колонии. Мы вынуждены были, поэтому, начать свою деятельность с организации в некоторых местах небольших анархических групп.

Весной 1920 года, ко времени первого с'езда новой „Федерации анархических групп Америки и Канады", начавшей издавать нелегальный журнал „Волна", мы в районе Рочестера успели организовать 5 небольших групп, насчитывавших в общем до 60 членов. Эти группы были в следующих местах: в Рочестере две группы, а в Роме, Сиракузах и Тонаванде по одной группе. Группы устраивали свои регулярные собрания, а иногда и лекции, распространяли много анархической литературы, помогали материально „Волне" и изданию книг анархических классиков. Бакунина, Кропоткина, Грава и др. А группы в Рочестере, поддерживая организационные и письменные связи с остальными группами района, посылали по району докладчиков, выступления которых всегда встречались с радостью. И сфера нашей районной деятельности в течение двух-трех лет значительно расширилась.

В это время один русский священник в Рочестере (Саластин), пользуясь усилением реакции и темнотой некоторых русских колонистов, задумал построить в нашем городе „храм божий", т. е. церковь. С этой целью он имел в виду созвать митинг и выступить с речью к своим будущим „прихожанам" о необходимости постройки русской церкви. Но мы решили противодействовать ему в задуманной цели и во что бы то ни стало расстроить его планы. Мы сначала повели агитацию среди колонистов, настроенных против попа и постройки церкви, а затем, убедившись, что на нашей стороне много сторонников, созвали антирелигиозный митинг в тот самый день, когда священник должен был выступить на своем собрании. Мы не ошиблись в рассчете: священник собрал не больше десятка „истинно-русских" людей, в то время, как наше собрание оказалось многолюдным и решительно настроенным против религии вообще и церкви в особенности.

От одной нашей группы выступил товарищ с краткой речью, в которой он подчеркнул ту реакционную роль, которую церковь играет в деле духов-

ного затемнения широких народных масс. Он далее указал на то, что священники и их церкви всегда играли постыдную роль мракобесов и паразитов и они являются темной силой также и в русско-американской колонии. Царское правительство щедро награждало русских попов заграницей, и некоторые из них остались в силе даже после падения самодержавия. Наш священный долг состоит теперь в том, чтобы окончательно освободиться от реакционного влияния попов и церкви. Нам нужно просвещение, а не моление богу. Нам нужна школа, а не церковь!

Заключительные слова нашего докладчика вызвали одобрительные возгласы. Все собрание буквально поклялось расстроить затею священника, и надо сказать, что благодаря энергичной деятельности наших товарищей и поддержке прогрессивной колонии, план священника лопнул, и русская церковь в Рочестере не была построена.

Радостным событием в жизни нашей колонии было устройство вечерней русской школы для взрослых, открывшейся зимой 1922 года. Занятия происходили 3 раза в неделю исключительно по русскому языку (грамматика, диктовка и чтение). Школу посещали как члены, так и не-члены наших групп. Многие за несколько зимних месяцев подвинулись значительно вперед: писали, читали и говорили лучше прежнего. И мы все возлагали большие надежды на школу.

Другим важным событием были занятия (один раз в неделю) по книге Новомирского: „Из программы синдикального анархизма". Мы составили группу из нескольких товарищей, заинтересованных в приобретении теоретических знаний. Мы проштудировали несколько глав. После прочтения отдельной главы, мы разбирали прочитанное и каждый из нас старался выяснить темные и спорные вопросы. К сожалению, занятия долго не продолжались. Как школой, так и занятиями по книге Новомирского я руководил в течение нескольких месяцев и наша цель была — подготовка хороших агитаторов и пропагандистов.

Наше влияние в колонии росло. Анархические идеи постепенно проникали в жзнь и быт всех русских прогрессивных колонистов, как семейных, так и холостых, и способствовали созданию той высшей нравственной атмосферы, которая была так характерна для союзовцев и членов анархических групп.

Но наша групповая работа с 1923 года начала ослабевать. Старые члены ушли, новые не прибывали. Мы потеряли контакт с районными группами, перестали посещать собрания, разбрелись и ушли „в себя". Так длилось несколько лет, в течение которых мы не предпринимали никакой организационной работы.

В начале 1928 года, когда в Рочестере был организован отдел РООВА,некоторые товарищи, бывшие союзовцы и групповики, стали членами этой взаимопомощной организации. Они пробовали вести просветительную раобту в анархическом духе, но больших успехов не достигли. Однако, к чести местных роовцев, надо сказать, что они симпатизируют анархистам. Они дважды устроили ряд лекций по анархизму и другим социальным вопросам, которые мне пришлось прочесть при большом стечении публики. Эти лекции были тем более необходимы, что они лишний раз обнаружили анархические и антибольшевистские тенденции среди большинства русских колонистов.

Весной 1931 года, в десятую годовщину смерти П. Кропоткина, был созван, по инициативе трех товарищей, митинг, посвященный памяти маститого теоретика. На этом митинге тов. Хобурский и я говорили о жизни и учении Кропоткина. Было продано немного анархической литературы и 12 экземпляров сборника „П. Кропоткин и его учение", изданного Федерацией русских анархических групп Америки и Канады.

В январе 1933 года несколько товарищей организовали анархическую группу „Свобода". Группа имела 10 членов. Она ставила своей целью вести анархическую и антибольшевистскую пропаганду посредством устройства лекций и докладов. Группа защищала точку зрения примирения и об'единения всех анархистов. Она считала правильной идею об'единения различных анархических группировок в одну федерацию. Деятельность группы ограничивалась деловыми собраниями, устройством нескольких лекций и распространением журналов „Дело Труда" и „Пробуждение". Просуществовав около двух лет, группа расспалась, главным образом, по вине самих членов, хотя безработица, разочарование и другие причины тоже содействовали распаду группы.

В настоящее время среди русских рабочих в Рочестере нет организованного анархического движения. Некоторые товарищи ушли туда, откуда нет возврата, т. е. умерли; другие умерли идейно и их невозможно заинтересовать анархической работой. Оставшиеся отдельные товарищи не проявляют никакой заметной деятельности, а попытки организовать устойчивую анархическую группу ни к чему не привели. Лучший, романтичный период нашего движения, повидимому, прошел. Наступили серые будни, без перспектив и надежд.

Наиболее активными и видными чле-

нами всех наших организаций были следующие товарищи: Белянский, Вакулюк, Войчишин, Гушля, Дашута, Иванов, Каминский, Котиков, Кришталь, Левков, Лисневский, Морозов, Нестеров, Орловский, Смит-Кузнецов (талантливый журналист), Стеценко (художник-декоратор), Тарасов, Ткаленко, Хобурский и Шестецкий. Имена этих товарищей пользовались большим влиянием и рочестерская русская колония не забудет их.

Так прошел почти 30-летний период русского анархического движения в Рочестере.

Л. ЛИПОТКИН.

Материалы к изучению русского анархического движения в С. Ш. и Канаде

(Окончание)

6.

ИЗДАНИЯ „ДЕЛА ТРУДА"
(1925 — 1937)

1. Нестор Махно. Русская революция на Украине, книга I. (1929) 1.00
2. П. Аршинов. Два побега. (1929) .... .25
3. Большевистская диктатура в свете анархизма (1928) .... .50
4. „П. А. Кропоткин и его учение". Сборн. под ред. Г. Максимова (1931) 0.50
5. П. Кропоткин. Анархизм .... .05
6. Г. Максимов. Мое социальное кредо ...... .05
7. Его-же. „Рассвет" — проводник русского фашизма" .... .05
8. Его-же. Беседы с Бакининым о революции .10
9. К. Филиппович. Грядущая мировая бойня.. .05
10. Our Position .... .03
11. Организационная платформа..................
12. С. Володькин. Что такое рассветовщина..
13. П. Аршинов. Новое в Анархизме (к чему призывает организационная платформа)...
14. G. Maximoff. Promises and Realites..

7.

ИЗДАНИЯ „ПРОБУЖДЕНИЯ".
(1927 — 1937)

1. М. Нетлау. Цели и методы Анархизма ....

8.

ИЗДАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ
(„Голос Труда" 1919 — 1925)

1. Л. Сосновский. Весь хлеб всему народу.. .20
2. Он. К творцам жизни. Э. Малотеста наша программа .... .20
3. Рудольф. Рокер. Сущность федерализма в противовес централизму. Анархизм и Организация ....
4. Усмирение Патагонии .... .30
5. К. Ф. Г-ко. Религиозные предрассудки .... .15
6. А. Карелин. Городские рабочие, крестьянство, власть и собственность .... .15
7. А. Горелик. Воспитание в Советской России .70
8. А. Корелин. Новое краткое изложение потической экономии 1.50
9. На Украине .... .20
10. Исторические предпосылки октябрьской Революции 1917 г. (манифест Союза Росс. Раб. в Бориссо. В память 2-ой годовщины Октябрьской Революции) .... .50
11. И. Мост. Религиозная язва .... .15

9.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИЗДАНИЯ
(1921 — 1936)

1. Вместо программы. Резолюции I. и II. Всероссийских конфер. Анархо-синдикалистов
2. Альбом похорон П. А. Кропоткина (немецко-англ.) ....
3. Милли Виткоп-Рокер — Женщина и синдикализм ....
4. Гонения на анархизм в Советской России..
5. П. Аршинов. История Махновского движения
6. Нестор Махно. Под ударами контр-революции (книга II.) ....
7. Ответ нескольких русских анархистов на организационную платформу ....
8. П. Аршинов. Анархизм в наше время ......
9. Н. Махно. По поводу раз'яснения Волина..
10. Волин. Раз'яснение ....
11. Нестор Махно. Махновщина и ее вчерашние союзники — большевики ....

10.

ЛИТЕРАТУРА КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „ГОЛОС ТРУДА"
(Россия. 1917 — 1925)

1. М. А. Бакунин. Избранные сочинения в 5 том.
2. Баррет Дж. Анархическая революция......
3. Боровой А. Личность и общество в анархи-

ЗАМЕТКА К СТАТЬЕ ТОВ. СОБКО.

Мне кажется, что т. Собко в своем очерке об анархическом движении в Детроите выпустил из вида нескольких активных работников движения. Один был бывший офицер, имени которого не помню. Но хорошо помню следующих лиц: сельского учителя Столярова, телеграфиста П. Драпуна, братьев Малешевских, братьев Питерсов и Жукова. Все эти товарищи были хорошо знакомы с анархизмом еще в России.

Я часто уезжал из Детроита, поэтому не могу припомнить фактов о движении. Я предлагаю другим товарищам описать анархическое движение в Детроите. Тов. Лазарев был в то время в Детроите и он смог бы написать очерк движения. Ведь в Детроите количество Союзов Русских Рабочих было больше и членский состав их был обширнее, чем в других городах.

Игнаша.

ческом мировозрении ....
4. Гольдман Э. Анархизм ....
5. Ж. Грав. Будущее общество ....
6. Заяц. Как мужики остались без начальства
7. Кропоткин П. Записки революционера....
8. Его-же. Речи бунтовщика ....
9. Его-же. Хлеб и Воля ....
10. Его-же. Поля, фабрики и мастерские......
11. Его-же. Современная наука и анархия....
12. Его-же. Взаимная Помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса........
13. Его-же. К чему и как прилагать труд ручной и умственный ....
14. Его-же. Анархия ....
15. Его-же. Анархическая работа во время революции ....
16. Его-же. Коммунизм и Анархия ....
17. Его-же. Политические права ....
18. Его-же. Новый интернационал ....
19. Его-же. Век ожидания ....
20. Малатеста Э, Избранные сочинения........
21. Его-же. Краткая система анархизма ......
22. Его-же. Анархизм ....
23. Его-же. Крестьянские речи ....
24. Реклю Э. Избранные сочинения............
25. Сборник Памяти Петра Кропоткина ......
26. Лурье С. Антифонт, творец древнейшей анархической системы ....
27. Рамус П. Вильям Годвин. ....
28. Ивто Ж. Азбука синдикализма ....
29. Грав Ж. Синдикализм в обществен. развитии
30. Дав Виктор и Ивто Жорж. Фердинанд Пеллутье и революционный синдикализм во Франции ....
31. Кори М. Революционный синдикализм и анархизм ....
32. Нетлау М. Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.....
33. Пеллутье Ф. История бирж труда ....
34. Пуже Э. Основы синдикализма ....
35. Траутман В. Эттор Дж., Сент-Джон В. Производственный синдикализм ....
36. Бакунин М. Бог и Государство ....
37. Ньювенгаус Домела. Бог, его прошлое и настоящее ....
38. Фор С. Преступление бога ....
39. Гюйо М. Нравственность без санкции и обязательств ....
40. Кропоткин П. Этика (посмертное издание)
41. Его-же. Справедливость и Нравственность
42. Его-же. Великая Французская революция..
43. Мечников Л. Цивилизация и Великие Исторические Реки ....
44. Кольер Т. Американизм — угроза миру ..
45. Вентцель К. Н. Теория Свободного воспитания и идеальный детский сад............
46. Кропоткин П. К молодому поколению...
47. Р—ский. Франциско Феррер и его новая школа ....
48. Свободное Трудовое воспитание. Сборник
49. Гильом Джемс. Интернационал. том. I—II.
50. Его-же. Карл Маркс и Интернационал....
51. Лебедев Н. К истории Интернационала. Этапы международного об'единения трудящ.
52. Черкезов В. Предтечи Интернационала. Доктрины Марксизма ....
53. Гроссман-Рощин. Характеристика творчества П. А. Кропоткина ....
54. Лебенев Н. Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель ....
55. Его-же. Евгений Варлен, мученик парижской коммуны ....
56. Нетлау М. Михаил Бакунин, жизнь и деятельность ....
57. Фигнер В. Студенческие годы ....
58. Боровой А. и Отверженный Н. Миф о Бакунине ....
59. Отверженный Н. Штирнер и Достоевский..

* * *

Транспорт этой литературы был прислан из Москвы в 1925 году.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ХРОНИКА

ШВЕЦИЯ.

„Сверегес Арбетарес Сентралорганизацион" (сокращенно — SAC) — Центральная Рабочая Организація (ЦРО) Швеции, принадлежащая к Международному Товариществу Рабочих, опубликовала отчет за 1938 год, согласно которому в конце года ЦРО имело 30552 члена и 668 местных союзов. Центр. Раб. Организация состоит из индустриальных федераций: федерация строительных рабочих, лесных рабочих, текстильных рабочих; федерация рабочих угля, руды и металла, федерация типографских и газетных рабочих. В интересах пропаганды страна разделена на 19 агитационных районов, каждый район имеет свой районный комитет.

Организация издает две ежедневных газеты: „Арбетарен" в Стокгольме и „Нордандсфолкот" в Кируна, одну еженедельную газету „Арбетаре-Курирен" в Готенбурге; кроме этого, организация издает месячный журнал „Синдикализм" и две индустриальных газеты и имеет свое собственное книгоиздательство. В прошлом году состоялся, десятый, по счету, конгрес организаций, на котором было 146 делегатов и гости, представлявшие Международное Тов. Раб., Испанию, Норвегию и Данию.

В истекшем году была широко развернута пропагандистская деятельность: было распространено масса брошюр, книг, газет, воззваний и манифестов; было много организовано митингов. Пропаганда была направлена, главным образом, против фашизма и за прямое революционное действие против международного фашиз-

ма.

Организация провела широкую и успешную работу помощи борющейся Испании и в течение года собрала для Испании 151,804.03 шведских крон.

Организация провела много забастовок с различными результатами. Некоторые забастовки были сломаны реформистскими социалистическими организациями, принадлежащими к Амстердамскому Интернационалу, которые делают все, чтобы уничтожить синдикалистское движение в Швеции.

В Швеции существует революционное синдикалистское движение молодежи, которое организовано в Синдикалистскую Лигу Молодежи Швеции. Лига работает в тесном контакте с Центральной Рабочей Организацией и очень деятельна в области пропаганды, особенно среди молодых рабочих. Лига имеет свой ежемесячный журнал „Сторм", который распространяется в большом количестве. На последнем с'езде, четвертом, по счету, было 80 делегатов, из них 60 являлись прямыми представителями местных организаций Лиги.

Существует еще третья революционно-синдикалистская организация, это—Синдикалистская Женская Лига, которая возникла пару лет тому назад и, несмотря на это, уже имеет 25 клубов в различных местах страны. Лига оказывает очень большую помощь нашему общему революционному делу.

("Press Serviee" I.W.M.A. № 5).

НОРВЕГИЯ

В Норвегии существует анархо-синдикалистская конфедерация — „Норск Синдикалистиск Федерасион" — очень слабая, члены ее, фактически, повсюду увольняются с работы, благодаря монопольному контролю работы реформистским профсоюзным движением. Реформистские союзы идут рука об руку с хозяевами и правительством и реформистские лидеры выполняют роль хозяйских полицейских.

Норвежские профсоюзы, почти без исключения, в принудительном порядке входят в состав социал-демократической партии. Очень часто члены союзов протестуют против бюрократической диктатуры лидеров и даже в некоторых случаях выходят на забастовку без их разрешения. Такие забастовки всегда быстро подавляются профсоюзной бюрократией, социал-демократической прессой, хозяевами и правительством совместно. Участники таких стачек штрафуются и штраф высчитывается из жалованья хозяином.

Так, недавно, группа рабочих на Улофос заводе была оштрафована за такую стачку по 100 крон каждый рабочий. Во время этой стачки союз был исключен из федерации. Но рабочие других городов собирали деньги и поддерживали исключенных в продолжении всей стачки. Один из рабочих за сбор денег в пользу рабочих Улофоса, оштрафован на 550 крон или к тюремному заключению на 45 дней. Он был осужден на основании знаменитого, „исправительного закона", который Рабочая Партия обещала отменить, как только она придет к власти. Но она, пробыв у власти четыре года, не дотронулась до него и пальцем.

("Press Serviee" I.W.M.A. № 7)

АНГЛИЯ

Анархическая Федерация Великобритании, находящаяся в тесной связи со всеми анархическими группами Англии, решила издавать месячный информационный бюллетень, первый номер которого вышел первого апреля. Бюллетень имеет в виду информировать о деятельности анархических групп. С приостановкой газеты „Спейн ендды Ворлд", которая была посвящена пропаганде испанского дела, стала выходить газета „Револт".

ЧЕМБЕРЛЕН — НЕМЕЦКИЙ КАПИТАЛИСТ

„Индостриал Воркер", орган Индустриальных Рабочих Мира перепечатал из „Нью-Иорк Дейли Миррор", от 14 апреля, часть статьи, в которой имеются доказательства секретных связей, существующих между капиталистами различных европейских стран. Это бросает свет на закулисные махинации, „высокой политики", которая маскируется идеалами.

Статья в „Дейли Миррор", утверждает, что Британский премьер-министр, г. Чемберлен лично сам высоко заинтересован в немецком вооружении, потому что его „Империальная Химическая Индустрия" обладает большим количеством акций в немецком „Динамитном Акционерном Обществе" и в "Ig Farben" — два самых больших треста, вырабатывающие взрывчатые вещества в Германии".

Помимо этого, таже самая газета говорит, что в последнем чехословацком кризисе Американское Министерство Иностранных Дел запросило: не заключила ли могущественная Британская Промышленная Федерация, в которую входят многие члены кабинета, секретный торговый договор с нази, который идет в разрез с интересами Соединенных Штатов и противоречит Англо-Американскому торговому договору, для заключения которого Кордел Хол положил столько энергии.

КУБА

Анархисты острова Кубы приступили к изданию газеты „Румбос Нуовос" — „Новые Линии". Вышло уже несколько номеров. С возобновлением печатной про-

паганды, анархисты Кубы не замедлят восстановить разгромленное диктатурой и коммунистами революционное рабочее движение, которое входило в состав Международного Товарищества Рабочих.

АРГЕНТИНА

Анархическая Лига Молодежи Аргентины — Альянца Хувенил Анаркиста — послала приветствие Международному Товариществу Рабочих. Напоминая о своем существовании и о решимости завоевать влияние в среде аргентинской молодежи, чтобы поставить ее на службу революционному делу. Лига не принадлежит ни к одной организации взрослых.

Почтовый департамент Аргентины опубликовал список „эксстремистских изданий", которым отказывается в привилегии пользоваться услугами почты. В этот список входят: „Ля Протеста", анархический орган, издающийся в Буэнос-Айресе; „Лядуната", итальянская анархическая газета, издающаяся в Нью-Иорке; „Эль Андамино". „Эль Пинтор" и „Эспанья Нуова", которые издаются в Чили; кроме того, в списке значатся многие газеты, выходившие в Барселоне, и даже информационный бюллетень бывшего барселонского правительства: „Комуникат де Пренсо". Фашисты не относятся к эсстремистам, и ни одной фашистской газеты нет в списке почтового департамента. Каждый месяц Аргентинская почта уничтожает огромное количество рабочей литературы. Все эти репрессии совершаются на основании закона, направленного против „коммунистических" изданий.

Правительство самым грубым образом нарушает право убежища. Член союза булочников, анархо-синдикалистский союз, Франциско Недухал, освобожден из тюрьмы только для того, чтобы его депортировать в Чехословакию, прямо в руки гитлеровских палачей. Таков антифашизм аргентинского правительства.

("Press Service" № 6)

МЕКСИКА

Некоторое время тому назад Секретариат МТР обратился с письмом к мексиканским анархистам, призывая их удвоить усилия и восстановить мексиканскую секцию МТР. Эта секция была организована передовыми работниками в 1923 году, но несколько лет тому назад она была разрушена интригами различных политиканов. В секции насчитывалось свыше 100,000 рабочих.

В мартовском выпуске „Эль Обреро Интернациональ" опубликовано воззвание, которое является ответом на письмо Секретариата МТР. В этом воззвании, между прочим, говорится:

„Интернациональная группа Модолия полагает, что необходимо созвать конференцию и пригласить на нее всех анархистов, товарищей из МТР и отдельных товарищей, в целях обсуждения и решения проблем, связанных с нашим движением, и направления нашей борьбы по наиболее определенной линии в соответствии с условиями. МТР обратилось к нам с призывом реорганизовать наши кадры. Товарищи! в этих целях, с сознанием полной ответственности, мы обращаемся к вам с призывом создать комитет, который взял бы на себя подготовительную работу по созыву конференции".

В письме к МТР мексиканские товарищи сообщают, что реформизм все еще продолжает господствовать в рабочих организациях Мексики, но они думают, что это положение долго продолжаться не может. Подлинные рабочие не имеют ничего общего с лидерами, которые эксплоатируют в свою личную пользу свое положение; рабочие начинают это видеть и протестовать. ("Press Service" № 5).

БРАЗИЛИЯ

Районный комитет Сао Пауло Коммунистической Партии, Бразилии, в который входят почти все самые активные коммунистические элементы страны, порвал связь с Москвой. Кризис в партии длился 6 месяцев. Районный комитет Сао Пауло обвиняет Москву в подчинении капиталистам и империалистам вообще и в подчинении полуколониальной политике в Латинской Америке в особенности. По мнению активных коммунистов Бразилии, Компартия совершенно предала борьбу против капитализма янки. Отколовшиеся коммунисты Бразилии, заявляют, что политика Москвы ослабила рабочий класс во всех странах. Эта „политика помогает буржуазной демократии вместо пролетарской классовой политике", что неизбежно влечет усиление фашистского влияния в интернациональном масштабе и укрепляет также фашистские национальные позиции. Манифест комитета заявляет, что подписавшиеся „порывают все органические отношения с бюрократами Москвы и с их заграничными агентами". Манифест призывает рабочий класс Бразилии „создать новые основы для революционного авангарда рабочих Бразилии". ("Press Service" № 5).

АМЕРИКАНСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ТРУДА.

Согласно желаниям южно-американских секций Международного Товарищества Рабочих, реорганизована Американская Континентальная Ассоциация Труда. Согласно решению секций, секретариат Ассоциации, который находился в Чили, переводится в Буэнос-Айрес, Аргентина, где он будет находиться до решения конти-

нентальной конференции, которая в настоящее время энергично подготовляется.

Американская Континентальная Ассоциация Труда (АКАТ) была организована в мае 1929 года в целях более тесного сотрудничества организаций Испанской и Португальской Америки. В АКАТ входило девять стран: Аргентина, Боливия, Косто-Рика, Бразилия, Гватемала, Мексика, Парагвай, Уругвай и Перу. В 1932 году, когда террору Иваниса был положен конец, примкнула Чили. На протяжении всех лет существования АКАТ энергично боролась против реформизма, большевизма и всякой диктатуры. Первый секретарь АКАТ, Амилио Лопез Аранго, был убит.

В 1930 году в Аргентине был совершен фашистский переворот генерала Урибуру и АКАТ был нанесен тяжелый удар: тысячи членов аргентинской ФОРА были депортированы и убиты палачами Урибуру. Секретариат был переведен в Монтевидео, Уругвай, откуда в 1932 году был переведен в Чили. Во многих странах АКАТ был об'явлен вне закона. В настоящее время замечаются признаки усиления деятельности анархо-синдикалистских рабочих производственных союзов и анархических групп.

УРУГВАЙ

Газета Областной Рабочей Федерации Уругвая (ФОРУ), „Солидаридад", сообщает, что Федерация в настоящее время успешно проводит уличные митинги в столице Уругвая — Монтевидео. В различных частях города товарищи воздвигают трибуны на улицах и площадях, ораторы имеют большой моральный успех. Гораздо чаще стали устраиваться лекции, рабочая аудитория внимательно прислушивается к лекторам.

В Монтевидео, по вопросу реорганизации движения, состоялась конференция ФОРУ. Было принято решение, по которому членский взнос Союзов, входящих в ФОРУ, должен распределяться следующим образом: „40% в Комитет Помощи Заключенным Членам ФОРУ, 10% в Комитет Интернациональной Солидарности при МТР, 5% в АКАТ", остальные поступают в Федеральный Совет ФОРУ.

ВЕНЕЦУЭЛА

Под давлением северо-американских империалистов, нефтяных королей, правительство Венецуэлы распустило все рабочие организации, Потому что они „подстрекают к классовой борьбе". Это „подстрекательство" было усмотрено в резолюции рабочих, которая требовала „более решительной национальной политики против интернациональных трестов, а также выражала солидарность с Мексикой, экспроприировавшей нефтяные промыслы.

ИСПАНИЯ

Газета „SIA" (Интернациональная Антифашистская Солидарность), Париж, 8 июня, опубликовала следующее душураздирающее письмо из Аликанте (Испания).

Аликанте, май 28, 1939.

Помогите нам, товарищи Франции!

Помогите нам прежде чем тысячи товарищей, которые еще живы, не будут истреблены. С момента падения Мадрида много антифашистов и активистов уже погибло; с января месяца во всех частях Испании пролито слишком много крови. Мир должен, наконец, проснуться с криком ужаса и сочувствия, устрашить убийц и заставить их приостановить свои ужасные и несправедливые казни.

Они насилуют женщин и юношей, мучат детей, чтобы вынудить от них указания, где спрятались родные и друзья.

Вы, французы, имели свою Коммуну и ее кровавое подавление. По отношению к нам, испанцам, это кровавое преступление применяется в двадцать пять раз хуже. И для нас нет возможности бежать, ибо морские и сухопутные границы систематически охраняются.

Что мы видим, что мы слышим и что нам рассказывают — ужасно. Многие от этого теряют разум.

Дорогие товарищи из SIA, (международная организация помощи, созданная испанскими анархистами и синдикалистами, под названием „Интернациональная Антифашистская Солидарность") мы знаем вас и мы верим, что вы обратите внимание народов к нашему делу, к нашему ужасному положению. Вашими действиями вы, пожалуй, спасете тех, кто еще будет жив завтра. Наше спасение зависит от народа Франции. Говорите, кричите громко! Благодарность вам от всей глубины наших сердец!

ФРАНКО ИДЕТ ПО СТОПАМ СТАЛИНА

Фашисты хорошие ученики коммунистов в деле подавления и устрашения народных масс. Известно, что за убийство Кирова Сталин расстрелял свыше ста человек.

29-го июля по дороге между Талавера де ля Рейна и Оропеза был убит майор гражданской гвардии Исаак Габальдон с дочерью и с шофером. Арестованы и обвинены в убийстве семь человек. Над ними еще не состоялся „суд", а между тем, за это убийство уже расстреляно 53 человека за подстрекательство к убийству или, по Сталинской терминологии. они расстреляны, потому что „морально ответственны за убийство". Для Франко и его фалангистов всякий, кто так или иначе был связан с лоялистами, несет ответственность за убийство всякого фашист-

для политических маневров и различных ского администратора, где бы и кем бы оно не было совершено. Точь в точь как в России.

ОТ РЕДАКЦИИ „ДЕЛА ТРУДА". В следующем номере мы дадим сводку ужасов, творимых в Испании фашистами при молчаливом одобрении „великих демократий" и „демократов" типа Чемберлена, Даладье, Сталина и социалистических Блюмов.

ФРАНЦИЯ

Полуправительственная газета „Тан" („Времена") в выпуске от 13 июня, напечатала открытое письмо, адресованное премьер-министру и диктатору Франции, Даладье, в котором требовала от него энергичного кормления фашистских зверей Испании мясом испанских беженцев. Вот часть этого письма:

„Многие беженцы жили в Испании в нищете и теперь они вели бы свое существование там в бедности и в нищете, тогда как, живя во Франции, они довольствуются гостеприимством без всякого обязательства работать. Понятно, что они предпочитают приятное существование, предложенное им Францией, риску существования в Испании, которое было бы гораздо более нищенским и бедным. Они все еще склонны продолжить свое пребывание во Франции, что видно из того факта, что систематическая и часто лживая пропаганда пытается напугать их тем риском, которому они подвергаются по возвращении на родину".

Автор письма дальше указывает на опасность экономической жизни со стороны этих испанских элементов и, в конце концов, говорит: „Уголовные, анархисты и те, которые не могут аклиматизироваться, — которые не могут быть изгнанны и которые выброшены из Испании — должны быть посланы в „отдаленные колонии", как можно поскорее".

Что можно на это сказать? Только одно: пролетариат не имеет другого выхода кроме повсеместного уничтожения капитализма и государства.

МАРИАНО Р. ВАЗКЕЗ.

М. Р. Вазкез, секретарь Национального Комитета Национальной Конфедерации Труда Испании, один из влиятельнейших деятелей испанского анархо-синдикализма в период 1936—1939, утонул, купаясь в реке Марне, Франция. Секретариат МТР, оценивая деятельность тридцатилетнего Вазкеза, руководствуется поговоркой: о мертвых говорят хорошо или совсем ничего не говорят. Секретариат МТР говорит только хорошее. На самом деле, Вазкез играл более отрицательную, чем положительную роль. Молодой и неопытный, поставленный обстоятельствами во главу НКТ, он все время толкал ее в бездну самого грубого соглашательства с „либеральной" буржуазией и коммунистами, которые не раз втыкали нож в спину испанской революции. НКТ не может отвертеться, включая и ИФА, от ответственности за поражение и огромнейшая доля этой ответственности ложится на руководителя НКТ Мариано Р.Вазкез.

ПИСЬМО ИХ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ „КЕМП ДЕ ГУР"

Наверно вас интересует положение бывших бойцов Интернациональной Бригады. Их свыше 6.000 здесь. Имеется 400—500 итальянских анархистов, полторы дюжины болгарских анархистов, около 30 немецких, 50—60 аргентинских и др.; коммунистов около 1000—1200, немного социалистов, остальные — беспартийные, бывшие сочувствующие коммунистам.

Все мы находимся в положении заключенных, под гнетом не только французских властей, но и коммунистических вожаков, которые, благодаря своей обычной подлости, добились благосклонности военных властей и добрались до руководства внутренней администрацией концлагеря против воли 70—80% Интернациональной Бригады, бойцы которой не только не уважают их, но сильно ненавидят.

Вы знаете на что способны коммунисты в целях сохранения своей власти, когда сознательные и честные рабочие отказываются терпеть коммунистический террор, ложь и интриги. Сыплются угрозы, выдвигаются обвинения в провокации, шпионаже и пр., в результате этого сотни и тысячи рабочих анархистов, социалистов, коммунистов и беспартийных были арестованы, убиты или депортированы в Испанию. В нашем лагере также не мало жертв этого коммунистического террора и коммунистических махинаций. Одних ссылают в особые лагеря на принудительные работы, а других свозят в специальные бараки. Конечно, все эти репрессии дают коммунистам противоположные результаты: ненависть к ним увеличивается.

Этой отвратительной линии поведения они придерживались и в деле нашей эвакуации. Еще до развала Каталонского фронта, правительство решило эвакуировать из Испании всех членов Интернациональной Бригады, всех иностранцев, бывших в лоялистской армии, и начало организовывать эвакуацию в Мексику тех иностранцев, которые не могут возвратиться в свою страну. Уже был готов первый транспорт, но коммунисты проявили обычную свою фракционность и для эвакуации отобрали только своих и тех, которые согласны служить им в качестве массы

политических демонстраций и манифестаций. Первая демонстрация была намечена против Чемберлена и приурочена к его приезду во Францию. И вот, во имя этой цели они под разными предлогами оттягивали отправку первого транспорта. Конечно, это было известно французскому и мексиканскому правительствам и вызвало с их стороны реакцию против назначенных к эвакуации и саботаж со стороны французского правительства.

После развала Каталонского фронта положение резко изменилось. Эвакуация иностранцев стала ничтожной проблемой общей эвакуации 400 тысяч испанцев; центр тяжести переместился на устройство тех испанцев, которые не могут возвратиться в Испанию. О нас, иностранцах, бывших бойцах лоялистской армии, перестали заботиться. Мексика отказывается нас принимать. Потом была создана комиссия специально для эвакуации и устройства иностранцев, служивших в лоялистской армии. В эту комиссию входят несколько выдающихся ученых, писателей и представители большинства антифашистских организаций. Комиссия до сих пор ничего практического и полезного не сделала даже в отношении улучшения пищи и режима, под которым мы находимся и, конечно, до сих пор никого еще не эвакуировала. Уезжают пока только те из нас, которые являются гражданами демократических стран и то только в том случае, если их правительства высказывают желание их принять. Таких не много, огромное же большинство, около 6.000, находятся в безнадежном, безвыходном и тяжелом положении.

Что делает „наш" комитет и что ждет нас, мы не знаем. Может быть вышлют в фашистские страны соответственно национальности. Предательство Испании говорит, что все возможно. В рядах иностранцев имеется много осужденных на смерть и почти все находятся под угрозой жестокой расправы в случае возвращения в свои фашистские страны. Это положение неизвестности, нищеты и режим, под которым мы находимся, очень плохо влияет на мораль и самочувствие этих „бывших" людей, которые как-будто всеми забыты.

Вот вкратце положение, в котором находимся мы, иностранцы, бывшие добровольцы, в концентрационных лагерях демократической Франции.

Камп де Гур, Вассе Пиренее. П. Д.
Май 25, 1939.

ДИКТАТОР ДАЛАДЬЕ ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ

Согласно сообщению „Чикаго Трибюн Пресс Сервис" от 3 авг., Даладье повел кампанию против пораженцев справа и слева. Пока что жертвами его террора являются левые, а не правые.

По майскому декрету прошлого года осуждены к тюремному заключению члены редакционной коллегии „SIA" — Интернациональная Антифашистская Солидарность, анархисты: Фернанд Винтригер, Луи Лекуан и Николай Фосье, каждый приговорен к двум годам тюрьмы и штрафу на 26 дол. и 50 сентов. Анри Жансон и Роберт Лузон, левый марксист-синдикалист, редактор журнала „Пролетарская Революция", осуждены на 18 месяцев тюрьмы и к штрафу 13 дол. и 25 сентов.

Причиной расправы послужили нападки на французскую колониальную политику и утверждение, что современная Франция нисколько не отличается от довоенной Германии.

Жестокость приговора, говорит буржуазный корреспондент, свидетельствует, что правительство решило быть беспощадным по отношению небольших, но настойчивых крайне-левых красных групп, для которых официальные социалистические и коммунистические организации слишком умеренны.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Редакция „Дела Труда" доводит до сведения групп федерации, отдельных ее членов и читателей „Дела Труда", что, согласно достигнутого в июле месяце об'единения федерации „Дела Труда" и федерации „Пробуждения", наш журнал и журнал „Пробуждение" прекращают свое раздельное существование. „Дело Труда" приостанавливается на № 108. После этого будет выходить об'единенный орган под название: „Дело Труда—Пробуждение".

Редакция надеется, что об'единенный орган встретит со стороны наших читателей и членов федерации такую же поддержку, какую они оказывали на протяжении 15 лет „Делу Труда".

Мы надеемся, что об'единенный орган, который в полном смысле слова будет единственным в мире русским анархическим журналом, с достоинством выполнить выпавшую на него тяжелую историческую миссию донести незапятнанным анархическое знамя до момента освобождения России и вручить его засаженному ныне в тюрьму русскому анархическому движению.

Будем же солидарны!

РЕШЕНИЯ ОБЩЕГО С'ЕЗДА ФЕДЕРАЦИЙ „ДЕЛО ТРУДА" И „ПРОБУЖДЕНИЕ" СОСТОЯВШЕГОСЯ 2-го ИЮНЯ 1939 Г. В ГОР. НЬЮ ИОРКЕ

На с'езде присутствовало 16 делегатов и 20 отдельных товарищей. После выбора председателя и двух секретарей приступлено к обсуждению вопросов порядка дня.

1) Член Комиссии по созыву С'езда кратко излагает процесс переговоров по об'единению, который начался еще в 1935 году. Указав, что состоялось три общих конференции, приведших обе стороны к сближению, докладчик напоминает, что от исхода данного С'езда значительно зависит судьба русского анархического движения в Америке.

2) Чтение корреспонденций, Кливеланд. Группа „Дело Труда" гор. Кливеланда стоит за слияние двух федераций и за издание одного органа. В редакторы рекомендует т. Максимова. Предлагает название органа „Волна". Место издания — Нью-Иорк. После слияния двух федераций предлагает приступить к изданию ежедневной газеты.

Монтреаль. Союз Росс. Тружеников г. Монтреаля за слияние двух федераций и за издание одного органа. Для органа предлагает три названия: „Волна", „Вперед", „Хлеб и Воля". В редакторы рекомендует т. Максимова. Желает, чтобы сотрудниками были только анархисты. Орган должен быть чисто анархическим.

Эмбридж, Па. Тов. М—ц приветствует С'езд, высказывается за издание одного органа, в редакторы рекомендует Максимова, в сотрудники анархистов.

Балтимора. Тов. С—ко предлагает достич об'единения во что бы то ни стало и приступить к изданию одного органа. Вместо редактора предлагает Редакционную Коллегию из людей, которые состоят в организациях не с целью личных выгод, а по идейным соображениям. Рекомендует назвать орган „Хлеб и Воля".

Юнгстаун. Группа „Дело Труда" выражает желание об'единить две федерации и издавать один орган. Название органа предлагает „Хлеб и Воля". В редакторы предлагает т. Максимова, в сотрудники Волина, Неттлау, Автономова, Липоткина и Рокера. Издавать орган там, где удобнее

Саут Ривер. Тов. Ч—ц рекомендует об'единить все прогрессивные организации и приобрести типографию „Рассвета".

Шенандоа, Па. Тов. Я—к от имени группы „Д. Труда" приветствует С'езд и рекомендует приложить все усилия, чтобы достич об'единения и издавать один орган.

Ниагара Фолс. Тов. М—ко настоятельно рекомендует достичь об'единения, чтобы издавать один орган. Предлагает собирать средства на орган путем распространения подписки и сбора добровольных пожертвований. За кооперирование с РООВА. Предлагает издавать двухнедельный или ежемесячный анархический журнал вместо того, чтобы возиться с „Рассветом".

Вотербури. Тов. А—к поздравляет С'езд, желает достижения об'единения и выражает сожаление, что не может присутствовать на С'езде.

Нью-Кестл, Па. Тов. О—к от имени группы „Пробуждение" настоятельно рекомендует достичь об'единения двух федераций и издавать один орган. Для финансирования органа предлагает установить добровольные 25-центовые взносы. В редакторы рекомендует Максимова или Карпика.

Медисон, Иллиной. Группа „Д. Т". за об'единение двух федераций и за издание одного органа, так как это, по мнению группы, даст возможность посылать чаще в раз'езд лектора и повести усиленную работу по устройству предприятий для нужд движения. Желает, чтобы журнал был строго анархическим. В редакторы рекомендует т. Максимова. Предлагает повысить розничную цену на журнал до 15 сентов. Стоит за переизбрание старого секретаря федерации „Д. Т". Предлагает, чтобы товарищи на местах взялись энергично за организацонную работу.

Виндзор, Канада. Союз Самообразования рекомендует забыть всякие неприятные взаимоотношения и вести общими усилиями организационную работу на началах товарищеской солидарности. Союз распространяет оба журнала. Предлагает направление журнала анархо-коммунистическое, избрать в Редакционную Коллегию людей беспристрастных и заслуживающих доверия членов движения.

Монтевидео, Уругвай, Южная Америка. Группа „Дело Труда" выражает удовлетворение, что созывается последний с'езд по об'единению, ибо она считает, что с этим вопросом нужно было давно покончить. Группа уверена, что с ростом анархического движения в русской колонии начнут разлагаться фашистское и большевистское движения. Группа считает, что для роста анархического движения не хватает организованности, сплоченности, солидарности и ответственности каждого анархиста перед движением. Журнал должен быть направления анархо-коммунистического, название органа: „Дело Труда". Редактором—коллектив, Редакционная Коллегия. В заключение письма группа выражает пожелание достигнуть об'единения.

Доклады с мест.

Детроит. Делегат Детроитской группы „Дело Труда" доложил, что группа стоит за об'единение и за издание одного солидного органа; в группе 7 членов, распространяется 75 экз, „Д.Т.",

Нью Иорк. В группе „Дело Труда" 12 членов, распространяется более ста номеров „Д.Т.". Организован 16 отдел РООВА, который, совместно с 25 отделом, ведет в колонии культурно-просветительную работу.

Рочестер. Группы нет, но имеется несколько товарищей, симпатизирующих движению и готовых об'единиться в группу.

Акрон. Группа, по заявлению делегата, мало себя проявляет, но 42 Отдел РООВА проявляет интерес к движению, относится отзывчиво к изданию „Дело Труда" и распространяет журнал в количестве 25 экземпляров. Для журнала устраиваются предприятия.

Юнгстаун. Количественно группа небольшая. Распространяется 20 экз. „Д.Т.". Группа, говорит делегат, стоит за об'единение и за издание одного органа.

Детроит. В Профессиональном Союзе 13 членов, распространяется 100 экз. журнала „Пробуждение". Делегат призывает к об'единению и к усилению деятельности.

Бостон. Членов в группе „Дело Труда" 6, распространяются оба журналы. Группа стоит за об'единение и за издание одного органа.

Нью Иорк. Представитель 25 Отдела РООВА приветствует С'езд и докладывает, что члены отдела симпатизируют движению, что Отдел, совместно с 16 Отд. ведет культурно-просветительную деятельность в русской колонии г. Нью Иорка.

Филадельфия. В группе „Дело Труда" 15 членов, распространяется 50 экз. „Д.Т.". Группа стоит за об'единение и за усиление деятельности в движении.

Филадельфия. Тов. П—ский докладывает, что распространяется 40 экз. „Пробуждения" и выражает желание, чтобы было достигнуто об'единение двух федераций и издание одного органа.

Нью-Гейвен. В группе 6 членов, группа кооперирует с группой итальянских анархистов в устройстве предприятий и митингов, распространяет „Дело Труда", желает об'единения.

Нью Иорк. Делегат группы „Пробуждение" заявил, что в группе 11 членов, распространяется 50 экз. „Пробуждения", группа кооперировала с группой „Д.Т." в издании трудов Н. Махно и в оказании помощи его дочери.

3-тий вопрос.

Так как на С'езде присутствовал товарищ Л—рев, из'явивший желание прочитать доклад о задачах русских анархистов в Америке, то С'езд счел нужным предоставить слово товарищу в третьем вопросе о слиянии двух федераций. Указав на отсутствие в рядах русских анархистов надлежащей спайки, товарищ считает единственным выходом из положения роспуск обоих федераций и создание одной, прекращение издания обоих органов и издание одного под названием „Хлеб и Воля". Выслушав и приняв к сведению доклад, заседание переходит к следующему вопросу.

4-й вопрос.

Руководствуясь тем, что в присланных письменных решениях и в устных докладах делегатов группы высказались за слияние обоих федераций, С'езд решил считать этот вопрос в принципе решенным и принял предложение перейти к следующему вопросу.

5-й вопрос.

После краткого обмена мнений делегатов по вопросу издания одного органа, решено прекратить дебаты и считать вопрос решенным в положительном смысле.

А) **Вопрос о названии органа** вызвал продолжительные дебаты. Каждая сторона, дорожа названием своего органа, желала сохранить таковое. Поэтому, чтобы удовлетворить обе стороны, решено сохранить оба навания и поставить заголовок: „Дело Труда—Пробуждение".

Б) **О редакторе и сотрудниках.** По этому вопросу принята следующая резолюция: „С'езд считает, что редактором и сотрудниками анархического революционного органа могут быть анархисты ничем незапятнавшие себя в прошлом и обладающие безупречным настоящим, иначе говоря, ни в редакторы, ни в сотрудники не допускаются люди с антианархическими и антиреволюционными взглядами.

Для контроля идейного направления органа выбрана Редакционная Коллегия из следующих товарищей: Д—к, Г—ч, З—ра, С—кий, М—ка, с правом кооптации. Секретарем Об'единенной Федерации выбран т. Свободин, казначеем т. Г—ч.

В) **Направление органа** должно быть анархо-коммунистическим.

Г) **Для финансирования органа** и для других нужд движения решено собирать годовую подписку в 1,80 ц. Кроме этого, решено рекомендовать товарищам на местах собирать добровольно ежемесячные членские взносы 50 или 25 ц. С'езд, также, решил рекомендовать группам на местах и отдельным товарищам самостоятельно собирать подписку и пожертвования.

6-ой вопрос.

Решено издавать орган в Нью Иорке. С'езд выразил пожелание, чтобы нью иоркские товарищи позаботились подыскать типографию.

7-ой вопрос.

Наше отношение к обществам РООВА и РНЗОВ положительное. Выслушав речи и предложения, С'езд признал, что эти организации являются взаимопомощными беспартийными, доступ в которые открыт для людей всех верований и политических взглядов. Поэтому желательно, чтобы вступающие в них товарищи вели культурно-просветительную деятельность.

8-ой вопрос — О „Рассвете".

Выслушав доклад товарища Черного о положении имущества при „Рассвете", С'езд признал, что Федерация не в силах приобрести имущество газеты, поэтому предоставляется это тем организациям и отдельным товарищам, которые заинтересованы в этом и в состоянии это осуществить,

9-ый вопрос.

Наше отношение к американскому анархическому движению положительное. Решено рекомендовать группам оказывать движению моральную и материальную помощь и содействовать созданию групп и кружков молодежи.

10-й вопрос.

Решено рекомендовать детроитским товарищам создать Комитет Помощи Политическим Заключенным.

11-й. Разное.

Было обращено внимание на вопрос о том, на каких выпусках оба журнала прекратят свое существование и когда будет приступлено к выпуску одного органа. Представитель Редакционной Коллегии журнала „Пробуждение" заявил, что будет выпущен еще один июльский-августовский номер, после чего, если материал останется, он будет прислан в Редакционную Коллегию об'единенного журнала. С другой стороны решено, что-

бы после выхода **Бакунинского номера** был выпущен еще один номер „Дела Труда", а потом приступить к изданию одного органа. А если по изданию того или иного органа окажется дефицит, то допустившая до этого сторона должна покрыть таковой самостоятельно и не навязывать его другой стороне.

Этим вопросы были исчерпаны и заседание закрылось в 10,15 минут вечера. Уезжая на места, делегаты обещали работать непокладая рук, чтобы все решения с успехом провести в жизнь.

Председатель С'езда: **Б—л,**

Секретари: **И. Д.** и **Д. Р.**

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

НЬЮ-ГЕЙВЕН, Кон. Уважаемый тов. Свободин, посылаю банковский чек на 30 дол. и 5 сентов. В эту сумму входят деньги, собранные по подписным листам для Бакунинского номера „Д.Т.".

По подписному листу № 11 собрано 6.30, под - писному листу № 12 собрано 9.75, всего 16.05. За проданные номера „Дела Труда" от 100 до 105 включительно — 14 дол. Всего: 30.05

ЗАЯВЛЕНИЕ

Группа Русских Рабочих г. Нью-Гейвена доводит до сведения всех членов Федерации „Дела Труда" и отдельных товарищей, что она не имела никакого отношения к Русско-Американской Агрикультурной Кооперативной Фарме в Вудмонт, Кон. и не имеет по сие время.

Группа Русских Рабочих.

ПОПРАВКА

В отчете о Районной Конференции „Дела Труда", состоявшейся 22 января 1939 года в городе Нью-Иорке, к докладу делегата от Нью-Гейвена нужно прибавить следующее: Прошлым летом, совместно с итальянцами, был устроен пикник в пользу лоялистов и журналов. Вся прибыль была распределена между группами устроительницами. Наша доля дохода была отослана по назначению, о чем имеется отчет в № 103 „Дела Труда".

Группа Русских Рабочих.

АКРОН, Огайо. — Апрель 15, 1939. — Уважаемый тов. Свободин, при сем прилагаю чек на 3.05. Эта сумма собрана по подписному листу, а от отдела пока что ничего нет, в виду того, что состояние кассы находится в плохом положении. Наш отдел будет устраивать вечеринку 22 с. м. и если будет успех, то возможно, что пришлем еще что-либо.

С тов. приветом

П. Краснолоб.

БЕТЛЕГЕМ, Па. — Прилагаю при сем чек на 7.65; эта сумма составилась следующим образом. по подписному листу № 15 собрано — 4.25, за журналы „Д.Т." №№ 104 и 105 — 2.00, за билеты для Испан. Рев — 1.40, всего: 7:65.

С тов. почтением

О. Ульчик.

АКРОН, Огайо. — Май 8, 1939. — Уважаемый тов. Свободин, уведомляю вас о посылке вам чека на 23 дол. и 14 сентов.; эти деньги выручены на предприятии 42 отдела РООВ, состоявшемся 22 апреля с.г. Означенная сумма предназначена на Бакунинский юбилейный выпустк „Дела Труда", на литературу и на издание Бакунинской хрестоматии.

С тов. превтом

Иван Бурдыко.

ОТ РЕДАКЦИЙ „Д.Т". Редакция выражает от имени федерации сердечную благодарность 42-му отделу РООВ и доводит до его сведения, что деньги распределены следующим образом: на Бакунинский номер „Д.Т." — 10.00, на издание Бакунинской хрестоматии — 5.00, на издание брошюры тов. Максимова: „После Большевизма что?" — 8.14.

НЬЮ ИОРК. — Июнь 8, 1939. — Уважаемые тов., посылаю вам на „Дело Труда" 73.40. Эта сумма образовалась следующим образом:

Тов. Кусчик от группы г. Фраквиля, Па. — 6.50; от Бостонской группы — 4.00, от тов. Собко, Балтимора — 11.50; от тов. Тетерко, Бруклин — 2.00; от тов. Лычака — 3.00; от Владимирова, Канада — 2.00; от тов. Феденко, Бетлегем — 3.00; от Бетлегемской группы — 7.60; от группы Русских Рабочих, Нью-Гейвен, Кон. — 30.05 и от 42 Отдела РООВ, Акрон — 3.05. Всего 73.40.

С тов. приветом.

А. Свободин.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па — Июнь 21, 1939. — Уважаемые тов., посылаю почтовый перевод на 15.00. Эта сумма сложилась следующим образом: за „Д.Т" — 4.00, из кассы Прогрессивного Землячества — 11.00. Всего: 15.00.

М. Цурупа.

ЮНГСТАУН, Огайо Июнь с г.—Просим опубликовать следующий отчет:

ОТЧЕТ

по пикнику, состоявшемуся 25 июня сего года

Пикник был организован совместно с италь - янской и испанской группами. Общая прибыль— 66 дол. На пикнике разыгрывался билет стоимостью 20 дол. или бесплатный проезд на нью-иоркскую выставку. Выигрыш пал на № 95, обладателем которого оказался испанский тов. Гиерро, который отказался от денег, пожертвовав их в фонд помощи жертвам фашистского и большевистского разбоя в Испании. Прибыль и пожертвование вместе составили 86 дол., которые отосланы по назначению.

С тов. прив. Группа г. Юнгстауна.

НЬЮ ИОРК. Июль 17, 1939. — Уважаемые тов., посылаю на „ДТ" 49.25. Сумма эта образовалась следующим образом:

От группы г. Кливеланда — 14.00, Ткачев, Вотербури — 1.00, Высокий, Нью-Гейвен — 1.00, от Независимого Общества Взаимопомощи г. С. Луиса — 10.00, Педасюк, Гартфорд — 2.00, от группы Ст.-Луиса — 4.25, члены нью-иоркской группы на Бакунинский номер: Данилюк — 7.00, Каминский — 3.00, Мурашко — 2.00, Самусин — 5.00. Всего: 49.25.

С тов. приветом. **А. Свободин.**

БОСТОН, Масс. По подписному листу № 6 на издание Бакунинской хрестоматии на английском языке собрано 2.50. Жетрвовали: С. Розуменко — 1.00, Я. Паленко — 1.00, Г. Коваль — 0.50. Всего 2.50.

С тов. приветом

С. Розуменко.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВНОГО СЕКРЕТАРЯ ОТ 2 АВГУСТА 1937 Г. ПО 6 НОЯБРЯ 1938 Г.

ПРИХОД:

Поступило на „Дело Труда"	254.84
Поступило в лекционный фонд	78.00
На русский информационный бюллетень	16.50
За книги Н. Махно	42.20
На газету Спаниш Революшон.	5.00
На альбом из Испании	2.00
Заключенным в России	3.00
На музей Кропоткина	1.00
ИТОГО	402.54

РАСХОД:

Послано на „Дело Труда"	231.34
Выдано на газету Спаниш Революшон	5.00
Возвращено т. М. взаимообразных	10.00
Уплачено за альбом	2.00
Послано заключенным в России	11.00
Израсходовано на устройство лекций	73.00
Послано на русский информационный бюллетень	26.00
Послано в Париж за книгу Н. Махно	7.00
Рассылка Бюллетеня и почт. марки	14.33
ИТОГО	384.67
Баланс	17.87

Фед. Секретарь: И. Д.

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ДЕЛА ТРУДА"

Апрель—Май 1939.

№ 106.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ поступило от групп и отдельных товарищей: Данилюк, Нью-Иорк — 6.00 долларов. Группа Юнгстауна — 3.00, Волков, Чикаго — 1.00, Прогрессивное Землячество, Филадельфия — 4.00. ВСЕГО: 14.00.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА" поступило от групп и отдельных товарищей (сюда же в некоторых случаях входят и деньги за проданные журналы): Слоткин, Чикаго — 3.00, Загайгора, Нью-Иорк — 5.00, Лычак — 6.00, Кондрат — 3.00, Зеленюк — 5.00, Филиппов, Канада — 2.00, Буков — 4.00, Союз Рос. Труж. Монтреаля — 9.00, Нагорный — 2.00, Бойко — 1.00, Мурашко — 2.00, Малоховец — 3.00, Самусин — 2.00, Лапыш — 1.00, Юнгстаун, по подписному листу № 18 — 10.25, Группа Юнгстауна — 5.00, Скобликов Лука, Чикаго — 2.00, 42-ой Отдел РООВ, Акрон — 10.00, Кущик, Фраквил — 6.00, Группа Бостона — 4.00, Собко, Балтимора — 11.50, Лычак — 3.00, Тетерко, Бруклин — 2.00, Владимиров, Канада — 2.00, Феденко, Бетлегем — 3.00, Группа Бетлегема — 7.60, Группа Русских Рабочих, Нью-Гейвен — 30.05, 42 Отдел РООВ, Акрон — 3.05, Прогрессивное Землячество, Филадельфия — 11.00, С. Мурашко, на Бакунинский номер — 5.00, Группа Кливеланда — 14.00, Ткачев, Вотербури — 1.00, Независимое Общество Взаимопомощи г. Ст.-Луиса — 10.00, Высоцкий, Нью-Гейвен — 1.00, Педасюк, Гартфорд — 2.00, Группа С.-Луиса — 4.25, Члены группы г. Нью-Иорка на Бакун. номер: Свободин — 7.00, Каминский — 3.00, С. Мурашко — 2.00, И. Самусин — 5.00; Вотербури, через Арсенюка — 9.90. ВСЕГО: 208.60

В ФОНД ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ поступило: Слоткин, Чикаго — 2.00, ВСЕГО: 2.00.

НА ЛИТЕРАТУРУ поступило: 42-ой Отдел РООВ, Акрон — 8.14. Всего: 8.14.

ОБЩИЙ ПРИХОД: 232.74; ДЕФИЦИТ ОТ ПРОШЛЫХ НОМЕРОВ — 55.47. ВСЕГО В КАССЕ: 177.27.

РАСХОД:

Типография — 93.40, экспедиция — 7.45. Политзаключенных — 2.00, на литературу — 8.14.

ВСЕГО: 111.00

В КАССЕ: 177.27

РАСХАД: 111.00

БАЛАНС: 66.27.

В РЕДАКЦИИ „Д. Т." ИМЕЕТСЯ ДЛЯ ПРОДАЖИ СЛЕДУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА:

П. КРОПОТКИН: „Хлеб и Воля"	0.25
П. КРОПОТКИН: „Речи Бунтовщика"	0.25
П. КРОПОТКИН: „Анархия, ее философия, ее идеал"	0.05
П. КРОПОТКИН: „Соврем. наука и Анархия"	0.05
П. КРОПОТКИН: „Анархизм"	0.05
„П. А. Кропоткин и его учение", сборник, под Ред. Г. Максимова	0.25
НОВОМИРСКИЙ: „Что такое Анархизм"	0.15
П. АРШИНОВ: „Два побега"	0.10
ЭЛИЗЭ РЕКЛЮ: „Речь о русской революции"	0.03
„Чикагская драма"	0.05
„Кому служит солдат"	0.03
К. ФИЛИППОВИЧ: „Грядущая мировая бойня"	0.05
Г. ЛАПОТЬ (Г. Максимов): „Наше отношение к Советам, Р. С. и Кр. Депутатов"	0.03
Г. МАКСИМОВ: „За что и как большевики изгнали анархистов из России"	0.05
Г. МАКСИМОВ: „Мое Социальное Кредо"	0.05
Г. МАКСИМОВ: „Рассвет — проводник русского фашизма"	0.05
Г. МАКСИМОВ: „Беседы с Бакуниным о революции"	0.05
G. MAXIMOFF: „Bolshewizm Promises and Reality"	0.10
"Our Position"	0.03
Н. МАХНО, Записки 1—3 томы по	0.75

БОЙКОТИРУЙТЕ ФАШИСТСКИЕ СТРАНЫ!

ДЕПОРТАЦИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

„В 1919 и 1920 г.г. иностранцы депортировались и несправедливо преследовались Генеральным Прокурором А. Митчель Пальмером. Во время президентства Хувера Секретарь Труда Доак депортировал 39 тыс. иностранцев в один год".

("Pathfinder", March 11, 1939, Washington, D. C.).

Zeichnung von Rafael Farga Pellicer, einem der beiden spanischen Delegierten des Basler Kongresses, 1869 (Barcelona, 1888–).

Рисунок Рафаэля Фарга Пеллисера, один из двух испанских делегатов на Базельский конгресс.